

МИХАЛ БОБЖИНЬСКИЙ

ПОЛЬСКИЙ ИСТОРИК, НАМЕСТНИК КОРОЛЕВСТВА
ГАЛИЦИИ И ЛОДОМЕРИИ В СОСТАВЕ АВСТРО-ВЕНГРИИ

ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ
ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

XVIII—XX ВВ.

II

Михал Бобжиньский

**История Польши. Том II.
Восстановление польского
государства. XVIII–XX вв.**

«Центрполиграф»

1877

УДК 94(438)

ББК 63.3(4)

Бобжиньский М.

История Польши. Том II. Восстановление польского государства.
XVIII–XX вв. / М. Бобжиньский — «Центрполиграф», 1877

ISBN 978-5-227-10532-5

Второй том труда известного польского историка, а также наместника королевства Галиции и Лодомерии в составе Австро-Венгрии, посвящен изложению событий после третьего раздела Речи Посполитой до восстановления польского государства в 1918 году и установления границ в 1923 году. Анализируя архивные документы, критически осмысливая многочисленные работы других ученых и, кроме того, основываясь на собственном опыте политической деятельности, автор беспристрастно излагает исторические факты, давая возможность понять глубинные процессы, протекавшие в то время не только в Польше, но и во всей Европе, а также осознать причины многих событий сегодняшнего дня. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(438)

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-227-10532-5

© Бобжиньский М., 1877

© Центрполиграф, 1877

Содержание

Четвертый период – от третьего раздела до возрождения государства	7
Глава I	8
Насилие со стороны захватчиков	8
Крепостная зависимость крестьян	13
Польское имя стерто	18
Легионы	20
Компромисс или борьба	25
Великое герцогство Варшавское	29
Конституция герцогства	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Михал Бобжинский
История Польши. В 2 т. Т. II.
Восстановление польского
государства. XVIII—XX вв.

MICHAŁ BOBRZYŃSKI

DZIEJE POLSKI W ZARYSIE

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2024

Четвертый период – от третьего раздела до возрождения государства

Великие исторические потрясения снесли с лица земли польское государство, которое не смогло им противостоять. Коалиция восточных держав, тщетно пытавшаяся победить Французскую революцию, компенсировала свою неудачу разделом Польши, которая, едва оправившись от векового беспорядка, стала их легкой добычей. После этого разделившие между собой Польшу страны на могиле польского государства для обеспечения сохранности общей добычи заключили союз, продержавшийся более ста лет. Его разорвала только мировая война, в которой эти державы вступили на польской земле в смертельную схватку. Они разрушили друг друга, и на их развалинах победившая коалиция западных держав для восстановления европейского баланса сил возродила польское государство.

Заслуга польского народа заключалась в том, что, потеряв свою государственность и подвергшись иностранному насилию, он не поддавался ему столь долго, что сохранял осознание своей идентичности до тех пор, пока не восстановил независимость, используя все свои силы. Причем, потеряв государственность, он оставался народом и как таковой участвовал в европейской политике, продолжая творить свою историю, которая составляет отдельный период, называемый периодом после разделов Польши.

При этом поляки шли к своей независимости двумя путями – путем вооруженных восстаний и путем органичного труда. Причем переплетение этих путей составляет первую характерную черту данного отрезка польской истории. Второй же чертой является внутреннее возрождение нации, произошедшее в этот период.

Новый мировой шторм сокрушил угнетателей поляков и позволил нации построить свое государство на их руинах. Однако это государство сразу же столкнулось с необходимостью отражения вторжения с Востока и защиты от него всего Запада. Успешно выполнив эту задачу, польский народ доказал тем самым, что за время своего долгого плена он исцелил себя от многих пороков, которые его когда-то погубили.

Тем не менее до равновесия общественных сил дело так и не дошло. Из Польши «шляхетской» страна перешла в другую крайность – Польшу «народную», а та, как и ее предшественница, так и не смогла построить сильную центральную власть. В результате дальнейшая история Польши начала вращаться вокруг «восстановления Речи Посполитой».

Глава I Военные времена (1797-1832 годы)

Насилие со стороны захватчиков

Третий раздел Речи Посполитой проходил мрачным образом. Русские колонны, сломив сопротивление восставших, усеяли свой путь трупами. Население обуял страх, а резня в Праге¹ довершила все остальное. Варшава капитулировала перед Суворовым и, благодарная за то, что он избавил ее от участи Праги, вручила ему, как своему спасителю, шкатулку с надписью, выложенной бриллиантами. Не успокоившись на этом, Екатерина II сурово выместила свой гнев на польских пленных и руководителях восстания. Тот, кто был призван в русскую армию и бежал к восставшим, погиб в страшных мучениях. Костюшко, Немцевич, Игнацы Потоцкий и несколько тысяч поляков буквально стонали в российских тюрьмах.

Пруссаки тоже не преминули отомстить тем, кто, подняв восстание в тылу их армий, заставил их отступить от Варшавы. Их мщение распространилось и на помещиков, а также священников, которые в захваченных землях увели за собой людей. Одна Австрия, которую восстание миновало, благосклонно отнеслась к оставшимся в живых повстанцам и позволила им укрыться в Галиции. Разместив в Люблинском воеводстве и на Вольни свои войска, она провозгласила, что защищает население от насилия со стороны русской армии. Исключение австрийцы сделали лишь для Коллонтая и Зайончека, которые, как опасные «якобинцы», по требованию России содержались в длительном заключении.

Конечно, многочисленные оставшиеся в живых повстанческие войска могли быть источником беспокойства. Поэтому все три правительства, участвовавшие в разделе Польши, стремились включить эти войска с их согласия или без него в состав своих армий. Жестоко подавляя вооруженное сопротивление поляков и продолжая раздел их земель, участвовавшие в нем державы пытались помешать возможному противодействию народа, продолжая вводить на захваченных территориях свою абсолютную власть, что уже было предпринято при первых разделах, которая опиралась на их собственную бюрократию, полицию и армию.

В результате Пруссией были учреждены в захваченной части Польши три провинции: Западная Пруссия, Южная Пруссия и Новая Восточная Пруссия с Варшавой. Территория же, отошедшая в результате раздела Польши к Австрии, еще со времен первого раздела получила название Королевство Галиции и Лодомерии, походившее на древние Галицкое и Владимиро-Волыньское княжества, некогда захваченные венгерскими королями. Однако это королевство было уравнено в правах с остальными землями Австро-Венгерской монархии и образовывало подобную им провинцию со столицей в Лемберге (Львове). При этом земли вместе с Краковом, захваченные при третьем разделе, составили отдельную провинцию, получившую название Западная Галиция (скорее Северная, так как располагалась к северу от нее).

Земли, отошедшие в результате разделов к России, были поделены на губернии, число которых и их границы часто изменялись.

Провинции делились на повяты или области. В соответствии с этим территориальным делением были организованы три инстанции власти: повятовые органы управления, подчинявшиеся провинциальным властям, провинциальные, находившиеся в центральном подчинении, и центральные органы власти, то есть министерства, которые тогда назывались по-разному. Всем заправляли профессиональные чиновники. Причем прусские органы власти были в какой-то мере коллегиальными, но подчинение низших инстанций высшим являлось безо-

ворочным. Подобным же образом была организована и судебная система, которая основывалась в основном на принципе коллегиальности.

Сеймы и их конституции исчезли, а высшим законом стала воля абсолютного монарха. Исчезли политические привилегии шляхты и дворовая милиция панов. Самые могущественные из них, не желавшие подчиняться собственным королям, теперь вынуждены были преклонить колена перед чужими правителями. При этом любые контакты с границей грозили уголовным преследованием. Исчезло также самоуправление городов, которым навязали бургомистров и чуждую им организацию. Причем суровость правления смягчалась только подкупом, от которого в то время не была свободна даже еще не сформировавшаяся прусская бюрократия. Вместе с тем в деятельности правительств земель, подвергшихся разделу, даже между прусским и австрийским, имелись существенные различия.

Прусское государство развивалось прежде всего потому, что оно много лет работало над повышением благосостояния и условий труда своих подданных. Добившись на этом поприще выдающихся результатов, оно сразу же применило эту систему в своих польских провинциях. Овладев поместьями польских королей и расширив их территорию за счет захвата церковных владений, пруссаки организовали на этих площадях самое передовое хозяйство. Они сохранили налоги, значительно увеличив их ставку, но собирали их лучше и без притеснения населения. Собранные и постоянно увеличивавшиеся доходы после покрытия расходов на армию и содержание чиновнического аппарата использовались для развития ферм, строительства дорог, регулирования рек и осушения болот. Польское сельское хозяйство, имея открытый доступ к морю в порту Гданьска, продавало собранный урожай легко и выгодно. Развивались торговля и ремесла. Правительство урегулировало ипотеку и предоставило легкие и дешевые кредиты, которыми, к сожалению, польские помещики не умели хорошо пользоваться. При этом прусская бюрократия вмешивалась во все сферы общественной жизни и все дотошно регулировала, ничего не оставляя местному самоуправлению. В 1795 году, отказавшись от борьбы с Францией, Пруссия, а с ней и захваченные ею польские земли радовались длительному миру.

А вот австрийские власти в Галиции не могли похвастаться подобными результатами. Захватив этот край еще при первом разделе Речи Посполитой, они были озабочены вопросом, удастся ли им сохранить его навсегда? Намереваясь его удержать, они старались поднять хозяйство этой земли и упорядочить отношения на свой манер. Теряя же надежду на сохранение данного края, в частности во время Наполеоновских войн, они старались изо всех сил и как можно больше эксплуатировать его, прежде чем оставить эту территорию. Отчаянно сражаясь то с Французской революцией, то с Наполеоном, Габсбургская монархия скатывалась на край пропасти, безжалостно уничтожая население и все его ресурсы. Она выжимала из Галиции, насколько это было возможно, налоги и, прежде всего, пополнение храбрыми новобранцами не только галицких, но и других полков, бросая их на итальянские и немецкие поля сражений, которые они густо усеивали своими костями в борьбе за чужое и враждебное им дело.

И хотя между прусским и австрийским правительствами в подходе к разделу Польши существовали большие различия, их объединила согласованная система германизации. Польский язык как средство официального общения был запрещен, а в школах и во всех учреждениях введен немецкий язык. Кроме того, поляков уволили из всех государственных организаций под тем предлогом, что они не говорили на этом языке и не знали немецкого законодательства. Только в судах до поры до времени использовался латинский язык.

Уже в 1786 году в Галиции была оглашена первая книга австрийского Гражданского кодекса, а в 1797 и 1798 годах в обеих Галициях – весь кодекс. В 1784 году там приняли австрийский Гражданский процессуальный кодекс, а в 1787 году – уголовно-процессуальное законодательство. На территории же, отошедшей к Пруссии, в 1794 году было издано так называемое обычное право (Landrecht), охватывавшее гражданский и уголовный кодексы, а про-

пессуальное постановление 1781 года в 1793 году заменено новым гражданским и в 1805 году уголовным кодексами.

Все эти кодексы глубоко проникли в систему польского общества, уравнивая всех граждан в отношении уголовного права и государственных уголовных судов, во многом отменяя и смягчая крепостную зависимость крестьян, о чем будет сказано позже отдельно. При этом с германизацией тесно связывалось привлечение в Польшу немцев. После отмены самоуправления городов, а также введения в них немецких властей и помимо чиновников судов, в города в большом количестве начали стекаться немецкие купцы и ремесленники, что быстро придало им немецкий вид. Причем инструментом германизации сразу же стали евреи.

В государственные угодья в массовом порядке завозились крестьяне из Германии, которым предоставлялись различные льготы, а также основывались колонии, что больше всего гарантировало сохранение лояльности к новым властям. Причем прусское правительство весьма широко практиковало распределение и продажу германскому дворянству коронных и церковных поместий, в результате чего захваченные Пруссией земли утрачивали чисто польский характер.

Важнейшим средством германизации стало введение немецких школ. В этом направлении усердно работали как прусское, так и австрийское правительства. Так, прусские власти, получив при третьем разделе Польши в свое распоряжение большое число польских средних школ, многие из них закрыли, а в остальных ввели для преподавания немецкий язык и изучение прусской истории вместо польской. В Познани, как образец для других, была основана евангелическо-католическая гимназия, а в Варшаве – средняя школа, являвшаяся своего рода расширенной гимназией с польским языком в младших и немецким языком в старших классах. В этих школах преподавание основывалось на классических языках – латинском и греческом, а закончившие их ученики направлялись для дальнейшего обучения в немецкие университеты в Берлине и Вроцлаве.

Большое внимание уделялось народному образованию, для которого польская Эдукационная комиссия подготовила в свое время образцовые планы и предписания, но распространить их на деревни не успела. Прусские же власти заставили основать школы в гминах² и усадьбах, организовали учительские семинары в Познани и Ловиче, а также стали издавать польско-немецкие школьные учебники.

Австрия же, заняв Галицию при первом разделе Польши, нашла в ней школьное дело в сильном упадке, в каком оно находилось еще до создания Эдукационной комиссии. При этом австрийские власти могли составить этой комиссии конкуренцию, заполучив после иезуитов их собственность в научной сфере. Тем не менее такое соперничество оказалось роковым, потому что еще Мария Терезия, а после нее Иосиф II решили основываться при обучении польского населения на немецком языке, полагая, что тем самым несут польскому народу блага более высокой культуры. Однако для таких школ не хватало учителей, которые могли бы преподавать на немецком языке, и молодых людей, готовых к изучению немецкого языка.

Необходимо было оставить в городских школах польский и русский языки, а в средних – латинский. Вместо этого, упразднив остатки академии Замойского, Австрия в 1784 году основала во Львове латино-немецкий университет, а после третьего раздела, заполучив Краков, перевела в Краковский университет некоторых профессоров из Львова, чтобы его онемечить, сохраняя при этом во Львове некое подобие университета под названием лицея без права присуждения степени доктора наук, и то только по подготовке хирургов. В 1805 году был принят так называемый «политический школьный устав», по которому надзор за начальными школами передавался духовенству, а немецкий язык вводился даже в сельских школах.

А вот Екатерина II не зашла так далеко, чтобы отменить все права поляков, ликвидировать польское устройство и русифицировать народ, проживавший на территории, отошедшей к России после разделов Польши, хотя в ней малорусское и белорусское население, за исключе-

нием собственно Литвы, составляло подавляющее большинство. Благодаря схожести языка и православным обрядам такое могло быть значительно облегчено. Зато политика императрицы, опираясь на православие, все больше стремилась к тому, чтобы устранить церковную унию, которая, управляемая Римом, не могла быть удобным орудием царизма.

Поэтому Екатерина II сразу же после первого раздела удалила униатских епископов, оставив только епископа Смогоржевского в Полоцке, а после его отставки в 1780 году передала власть над всеми униатами консистории, состоявшей из трех членов и не имевшей силы противостоять пропаганде православия. Ее с помощью государства, не гнушаясь обмана и применения силы, развернул православный владыка Могилевский Г. Конисский³, в результате чего большое количество униатов перешло в православие. Только в 1796 году «обращенных» униатов насчитывалось уже более полутора миллионов.

За решение задачи по сохранению польского духа взялись иезуиты, которые, не покрывшись роспуску ордена по распоряжению папы Климента XIV в 1773 году, решили остаться в Полоцке. Принеся себя в жертву и торжественно отметив именины русской царицы, они настолько ярко выразили верноподданнические чувства, что смогли убедить ее в своей лояльности. В результате Екатерина II не только сохранила их, оставив иезуитам их владения и школы, но и вознамерилась в ходе дальнейших разделов Польши передать в их ведение государственные вопросы образования в Литве. При этом большим уважением у нее пользовался мудрый провинциал-иезуит немец Грубер. Однако от продолжения политики, которую императрица проводила в отношении католической церкви, отговорить он ее не смог.

Разделы Польши пришлось на эпоху Просвещения, когда безраздельно правящий высший социальный класс решил провести реформу церковных отношений и государственного образования по своему усмотрению, несмотря на протесты и даже вопреки церковной иерархии. По этому пути пошла и польская интеллигенция, которая, взявшись за дело ремонта Речи Посполитой и реформировав государственное образование, вступила в конфликт с духовенством, защищавшим религию, но одновременно и старый порядок, ища опору в отсталости широкой общественности. Многие, соблазненные красотой масонских лозунгов, рассуждениями об общечеловеческой морали, нашедшими отражение в произведениях гуманитарной направленности, даже не осознавали, что отделение морали от религиозной почвы и увлеченность литургией вольных каменщиков являлось отрывом от церкви и вместе с тем от самых широких слоев народа, не мысливших себя вне ее.

На осуждение масонства не обращали внимания, хотя оно и исходило от пап. Ведь не один польский вольный каменщик, а среди них были и священники, способствовал созданию больниц и других гуманитарных заведений, успокаивая тем самым свою совесть. В результате дело дошло до того, что в самый трудный для себя момент народ не проявил солидарности с церковью и не стал искать у нее поддержки, которую мог найти в ее автономии.

Вместо слабого правительства Речи Посполитой Польшей начали управлять чужие абсолютные монархи, проникнутые духом Просвещения и проводившие в своих государствах, а также на территориях, отошедших к ним после разделов Польши, реформу церкви по своему усмотрению, стремясь превратить ее в удобный для себя инструмент. И тогда случилось так, что духовенство, отделенное от светского общества и таким образом ослабленное, легко сдалось «законной» иностранной власти, чтобы отвести ее нападку на церковь, а светская интеллигенция отреагировала на эту травлю пассивно, видя в ней необходимую борьбу с «мракобесием» духовенства.

В результате политика просвещенного абсолютизма увенчивалась иногда в Польше триумфом. Причем первейшая ее задача заключалась в том, чтобы разорвать прямые отношения между польским духовенством и Святым Престолом и добиться того, чтобы все его постановления осуществлялись с разрешения властей в порядке так называемого *placetum regium*⁴.

Екатерина II нашла в этом вопросе послушное орудие в лице Станислава Сестренцевича-Богуша, который, будучи епископом только по названию, принял из ее рук без согласования с Римом сан епископа всей Белой Руси. При этом раскол стал уже настолько очевидным, что папа римский Пий VI, желая его избежать, в 1783 году послал в эти земли своего легата Джованни Андреа Аркетти, который, не в силах все исправить, признал Сестренцевича архиепископом Могилевским, номинально восстановив тем самым отношения католиков Белой Руси с Римом.

Это не помешало Екатерине II снова самовольно организовать католическую иерархию на территории Польши, отошедшей в результате разделов к России, и создать там три епископства. Желая разорвать или, по крайней мере, ослабить их отношения с Римом, она подчинила их департаменту по делам католической церкви, который император Александр I в 1801 году реорганизовал в римско-католическую духовную коллегия. Она состояла из архиепископа Могилевского в качестве председателя, одного епископа и одного назначаемого инфулата⁵, а также из шести ассессоров, избиравшихся капитулами каждые три года.

Коллегия являлась судебным и одновременно высшим органом церковной администрации. Стоя над епископами, она выступала послушным проводником воли императора и его правительства. Поэтому Александр I прилагал все усилия, чтобы добиться передачи закрепленных за папой прав председательствовавшему в коллегии архиепископу, с чем Рим, однако, не согласился и вовсе не признал эту коллегия. Тем не менее в 1804 году подобная коллегия была создана и для униатской церкви, над которой вообще висел дамоклов меч.

Не лучшие времена переживала католическая церковь и в Австрии. Еще Мария Терезия ввела *placetum regium*, а глубоко проникнутый просвещенным абсолютизмом Иосиф II, сломав церковную автономию и произвольно проведя реформу церкви, изъял церковные поместья в религиозный фонд, начав распоряжаться его доходами. Он учреждал духовные семинарии, сносил монастыри и даже вмешивался в церковные литургии. В результате духовенство становилось отдельной чиновничьей ветвью, послушной правительству.

Аналогичную позицию по отношению к церкви заняли правители Пруссии, хотя они и не вмешивались в ее внутренние дела. Тем не менее некоторые их взгляды на церковь обошлись слишком дорого. Не случайно через несколько недель после последнего раздела Польши, а именно 15 декабря 1795 года, папа Пий VI в отдельном послании архиепископу Гнезненскому призвал польских епископов привить своим верующим важнейший принцип католической религии, заключающийся в послушании властям.

Не сказав ни слова об исторических заслугах польского народа по отношению к церкви, папа коснулся лишь вреда, который поляки нанесли вере похищением короля (Станислава Августа)⁶, и незаконных, совершенных епископами во время последнего восстания, а затем призвал епископов внушать народу необходимость соблюдения «долга верности, послушания и любви к панам и королям». И делать это «тем больше, охотнее и прилежнее тогда, когда их к этому обязывает сама полная человечности и справедливости благодарность, каковую им надлежит выказывать своему королю» (Фридриху Вильгельму II). Огласив это послание папы, архиепископ Игнацы Красицкий от себя добавил следующее предостережение из послания святого Павла к римлянам: «Властитель – слуга Божий, который трудится на твое благо. Если же ты творишь зло, то бойся, ибо он не без причины носит меч. В его власти наказать тебя, и он воспользуется этой властью, потому что служит Богу, наказывая творящих зло».

Утратив опору не только в прежних политических учреждениях, но и в автономии своей церкви, польская шляхта оказалась под давлением тяжелого бремени. Над ней нависла угроза конфискации ее имущества. Ведь разделы Польши и изъятие поместий польских королей пробудили алчность российской военной и чиновничьей олигархии, которая после подавления каждого сопротивления поляков только возрастала. В результате не только польские старосты, но и поместья тех, кто принял участие в восстании или сбежал за границу, а также тех,

кто отказался приносить присягу на верность, Екатерина II конфисковывала и отдавала своим генералам, чтобы укрепить российский элемент в польских землях и облегчить соединение братскими узами обеих народов. При этом угроза конфискации нависла прежде всего над теми магнатами, которые в отношении трактатов о разделах заняли позицию лиц, обладающих двумя гражданствами. Поэтому 26 января 1797 года между странами, участвовавшими в разделах, был подписан дополнительный договор (о котором еще будет сказано несколько позже), по которому таким вельможам предписывалось выбрать себе подданство в одной из частей Польши, отошедшей к тому или иному государству, а имущество в других частях продать (без сомнения, за бесценок).

Это поставило польскую аристократию в полную зависимость от чужих властей, поскольку освободить их от необходимости продажи имущества могла только особая милость со стороны соседнего монарха. Так, князь Адам Чарторыйский из города Пулавы, находившегося на территории, отошедшей к Австрии, когда на его поместья в российской части Польши наложили секвестр⁷, был вынужден отправить своих сыновей к русскому императорскому двору для того, чтобы они вступили в русскую армию и заслужили тем самым снятие этого секвестра.

В результате под влиянием всех этих угроз и притеснений во всех польских землях, подвергшихся разделам, шляхтичи толпами стали приносить верноподданнические присяги и направлять делегации к новым монархам с уверениями в своей верности. Потомки тех, кто во времена Речи Посполитой не получил иностранные титулы или не хотел их принимать, теперь стали на них претендовать и подавать прошения о назначении их офицерами в иностранных войсках, особенно в дворянских придворных гвардиях, дававших должность при дворе (в России чин).

Верноподданнические делегации шляхты в первую очередь в Петербурге клялись в своей верности новым властям. При этом наименьшее чувство национального достоинства проявила делегация, направленная после поражения восстания Костюшко к Екатерине II во главе с Людвиком Скумином Тышкевичем⁸. Он поблагодарил ее за то, что она «использовала доблесть и превосходство своих войск, чтобы избавить эту провинцию от несчастий и притеснений, в пучину которых самовольно погрузили ее присвоившие себе право власти ее прежние хозяева».

Внезапно погрузившись в атмосферу насилия, отстраненный от всякого участия в общественной жизни и лишенный перспективы лучшего будущего, ведущий слой нации искал забвения в бесконечной череде развлечений, банкетов и вечеринок в Варшаве, Львове, Минске и Гродно. Причем «ясновельможные паны» соревновались друг с другом в организации данных роскошных приемов. На них танцевали, пили и братались с теми, кто прибыл в Польшу, чтобы покорить ее. При этом губернатор, который не допускал насилия и защищал от него, пользовался всеобщей благодарностью и любовью. Этот танец на могиле отчизны выглядел поистине чудовищно, и сердце обливается кровью, когда становится известно, что в Варшаве им руководил несчастный предводитель кампании 1792 года⁹ князь Юзеф Понятовский.

Крепостная зависимость крестьян

Большинство шляхтичей подчинились разделам Польши не только под страхом конфискации имущества, но и из-за боязни ограничения доходов, которые они легко от него получали. Предчувствие об их снижении у шляхты появилось уже после первого раздела в землях, отошедших к Австрии и Пруссии, что и помешало авторам конституции 3 мая предоставить крестьянам реальную правовую защиту. Они и слышать ничего не хотели о Поланецком университете¹⁰, слухи о котором разошлись по самым дальним уголкам Речи Посполитой.

Между тем во всей Западной Польше, где простолюдины были поляками, крепостное право тоже существовало. Но просвещенный абсолютизм XVIII века, каковы бы ни были его ошибки и грехи, тараном ударил по рабскому положению сельских жителей. В частности, такой таран, развивая реформы, начатые еще Марией Терезией сразу после занятия Галиции, использовал во всем австрийском государстве, а следовательно, и в Галиции Иосиф II.

Специальным указом, изданным в 1782 году, он отменил крепостное право (*Leibeigenschaft*) и ввел вместо него так называемое «умеренное верноподданничество» (*gemäßigtere Untertanigkeit*). Его положения сводились к следующему:

1. За крестьянами закреплялась так называемая деревенская земля, которой они владели или получили в наследство. Эту землю запрещалось присоединять к угодьям хозяина села, называвшимся доменальными землями.

2. Бремя панщины ограничивалось тем, что содержалось в старых описях, а затем еще больше – максимум тремя днями в неделю, а для кустарей и бедняков она не должна была превышать одного дня в месяц с точным определением времени и способа выполнения работ и перевозок. Дополнительные услуги были упразднены.

3. Крестьянам предоставлялась личная свобода, то есть право свободно выбирать себе занятие и покидать землю с некоторыми оговорками.

4. Им было предоставлено право обращаться с жалобами как в административные органы, так и в государственные суды с правом апелляции даже в центральные органы власти.

5. Хозяевам деревень, которые в них не жили и вопросами крестьян не занимались, предписывалось выбрать и назначить специального проверенного чиновника, который должен был следить за исполнением распоряжений властей и собирать налоги с крестьян. Отстранение такого чиновника без согласия старосты запрещалось. Он обладал политической властью, включая полномочия судьи по уголовным делам низшей инстанции.

6. Были организованы сельские гмины во главе с войтами, назначаемыми панами из числа трех кандидатов, выдвигавшихся гминами или избранных ими и принявших соответствующую присягу. За их деятельность им предоставлялись определенные льготы.

Иосиф II хотел продолжить эту реформу и в 1789 году издал урбариальный указ, предписавший строго оценивать доходы крестьян и делить их так, чтобы сам крестьянин получал от них 70%, а государство и пан 30%. Однако эта реформа натолкнулась на сопротивление дворянства во всех провинциях Австрии и в 1790 году была отменена. Правда, панов все-таки обязали покрывать половину увеличенного земельного налога на земли крестьян.

Тем не менее предыдущие реформы остались в силе. Однако сельские жители их не оценили, так как на них возложили повышенные налоги и бремя военной службы, которая на долгие годы отрывала их от семьи и хозяйства.

А вот Пруссия осуществляла реформу не так быстро и не так решительно. Она растянула ее на более длительный период, делая это посредством ряда распоряжений постепенно, но более практично и лучше, отдельно в каждой провинции, начиная с Западной Пруссии, образованной после первого раздела Польши, и распространяя ее с некоторыми изменениями на Южную и Юго-Восточную Пруссию, оккупированные во время второго и третьего разделов. Для всех же областей государства вопросы, связанные с крепостничеством, регулировало прусское всеобщее земское право (*Landrecht*), изданное в 1794 году.

В нем сохранялось разделение общества на три сословия, принадлежность к которым определялась происхождением человека – дворяне, горожане и крестьяне. На всех них распространялось единое законодательство, за исключением тех случаев, когда это обговаривалось отдельными указами. Это законодательство, отменявшее прежнее крепостное право (*Leibeigenschaft*), оставляло тем не менее крестьян в зависимости от их панов, порядок которой подробно описывался в 548 параграфах, исключавших любые неопределенности, произвол

и злоупотребления, а также беря одновременно крестьян под защиту и контроль со стороны публичной власти.

Крепостные вместе со своими детьми имели право покинуть свою обитель и своего пана при точно обозначенных условиях, что делалось главным образом для того, чтобы они не стали обузой для общества. Поэтому они должны были доказать, что при переезде в другое место им гарантировано содержание, будь то в сельском хозяйстве, или промышленности, или при занятии свободными профессиями в городе или в деревне. При этом освобождение от крепостной зависимости в некоторых случаях могло произойти только после уплаты определенной суммы. В случае же возражения пана решение принималось властями.

Закон делил крестьян на тех, кто имел земельные участки в собственности, на тех, кто имел их на правах наследственной аренды, и, наконец, на тех, кто арендовал землю только временно. В случае сомнений арендаторы считались наследственными. При этом пан только в исключительных случаях и с разрешения властей имел право принудить находившегося у него в крепостной зависимости владельца земли продать ее, а арендатора – отказаться от аренды.

Наибольшее внимание во всеобщем земском праве уделялось определению взаимных прав и обязательств панов и их крепостных крестьян, нормированию всех видов крепостных работ, ренты и выплат, предотвращая тем самым их повышение. В некоторых же случаях крепостные могли требовать их понижения.

Крепостные владельцы земли составляли самоуправляющуюся сельскую гмину во главе с солтысом, назначаемым паном из числа членов гмины, и двумя заседателями, исполнявшими также функции местной полиции.

Хозяева сел имели право применять умеренные телесные наказания в отношении ленивых, непокорных и своенравных слуг, но за все злоупотребления такими наказаниями паны несли ответственность в уголовном порядке. В отношении же домовладельцев и их жен они имели право только на наложение кратковременного ареста с такой же ответственностью.

Все эти законы были, видимо, продиктованы не столько стремлением к установлению гражданского равенства, сколько интересами сельского хозяйства. И подчиняться им должны были как крестьяне, так и паны. Конечно, для польского дела, несомненно, было бы лучше отменить крепостное право и освободить крестьян. Но сегодня трудно обвинять иностранные правительства в том, что они этого не сделали, поскольку они аналогичным образом организовывали крепостное право и в других своих провинциях.

Эти правительства не изобрели крепостничество специально для польских провинций. Однако на практике в них ситуация была иной. Одно дело, когда бюрократия, призванная охранять такой строй, набиралась из людей, которыми она управляла, и совсем иначе обстояло дело там, где она навязывалась народу из числа иностранцев – немцев или онемеченных чехов. Подобная бюрократия использовала отношение крестьянина к своему пану для утверждения своей власти, чтобы внушить ему доверие, а у шляхтича, против него согрешившего, вызвать страх. Поэтому шляхта хорошо понимала, что в случае нового восстания крестьянство за ней не только не пойдет, но может подняться и против нее самой. В результате о восстании против чужеземного правления собственными силами в таких условиях не могло быть и речи.

Воспитанные в атмосфере крепостничества даже просвещенные, патриотически настроенные помещики не понимали, какое значение имеет польский крестьянин для народа и какую роль он может сыграть для будущего страны. Так, один из таких помещиков, который позднее стал министром Великого герцогства Варшавского, Леон Любенский для улучшения хозяйства пригласил в свои поместья немецких колонистов как лучших работников и даже построил для них евангелический костел, за что был награжден прусским правительством орденом Красного орла¹¹.

В отличие от прусских и австрийских властей русское правительство в землях, отошедших к России после разделов Польши, поступало по-другому. Ему было чуждо любое облегче-

ние участи крепостных в польских губерниях, поскольку такое могло стать опасным прецедентом для самой России, где процветало безжалостное рабство крестьян. Поэтому оно не только сохранило крепостное право в польских землях и обосновало необходимость этого, но даже ужесточило его по сравнению с тем, каким оно было в отношении русских крестьян.

В принципе крепостное право на польских землях ничем не отличалось от того, каким оно было в самой России, поскольку и тут и там крестьянин полностью зависел от помещика, от которого его не защищали ни закон, ни власти. Но на практике разница все же существовала. Польский крестьянин не обладал личной свободой и был привязан к земле, на которой сидел. Он не имел права с нее куда-либо двинуться, не получив освобождения от своего пана, и в случае смены хозяина деревни переходил от старого пана к новому. В то же время он не мог стать предметом купли-продажи с отрывом его от своей земли. А вот российский крестьянин не являлся привязанным к земле и принадлежал только своему помещику, которому ничего не стоило продать его и без земли. В Польше подсчитывали количество крестьянских хозяйств, а в России – число душ, что придавало крепостному праву черты крайней неволи. В Польше крепостные повинности зависели от размера крестьянской земли, а в России они ложились на крестьянскую общину.

Конечно, в Польше крепостное право тоже являлось тяжелым бременем для крестьян и иногда отличалось даже чрезмерной эксплуатацией. В то же время в ней не было недостатка в таких поместьях, точнее, латифундиях, которые характеризовались хорошим ведением хозяйства и чьи владельцы прекрасно понимали свои интересы, складывавшиеся из перечня крепостных повинностей.

Крепостничество в Польше тоже держалось за счет суровых наказаний, но в ней не было недостатка в помещиках, проявлявших при необходимости заботу о своих крепостных. В России же, где бары соревновались в жестоком обращении со своими холопами, об этом даже не слышали. В Польше уже занимались отменой личной крепостной зависимости и облегчением бремени крепостных, а в России об этом даже не заикались.

В результате российские крепостные сбегали от своих помещиков в польские поместья, где условия для них были лучше. Русские помещики гневно жаловались на это и требовали возврата беглецов, что, однако, было сопряжено с большими трудностями. При этом предотвратить данное бегство можно было либо путем улучшения положения крестьян в России, либо в результате ухудшения их судьбы в Польше. Россия решила на последнее, а добились этого те русские паны, которые получили поместья в польских землях, отошедших к России после разделов Польши. В результате в 1775 году был издан царский указ, который признал за помещиками в русской части Польши право продажи своих крепостных без земли. Поэтому и тут стали оценивать стоимость поместий по количеству имевшихся в них душ.

После третьего раздела за панами было признано право требовать от каждой крестьянской души трехдневной отработки, право назначения холопов на работы вне территории поместья, право их продажи, дарения и переселения для несения службы при своем дворе. При этом подавать жалобы на помещика крестьянам запрещалось.

Правительство опиралось на помещиков – шляхтичей, держа их, однако, в страхе, что в случае какого-либо сопротивления оно может напустить на них темную массу литовских крестьян или, что еще хуже, русских холопов. Ведь призрак Коливщины¹² все еще витал в воздухе.

Однако не все польские помещики пользовались в полном объеме правами, предоставленными им в отношении крепостных крестьян. Имелось много славных исключений, но варварство на Польшу с Востока продолжало наступать. В то же время крестьянская неволя имела для России и Польши разное значение. Ведь деспотическое царское правительство расправлялось с крестьянами так же, как и с дворянами, и создало в результате настолько могуществен-

ное государство, что никто из чужаков не решался осуждать его по вопросу закрепощения народа.

Польша же, сохранив у себя крепостничество, защитить свое государство не сумела, а за крепостное право на Западе ее осудили. Когда предпринятые поляками в последнюю минуту попытки освободить крестьян потерпели неудачу, а польское государство рухнуло, этими людьми распорядилось иностранное правительство. При этом Россия могла удерживать в крепостной зависимости крестьян еще долго, прежде чем это рабство разрушило и ее.

В отличие от России для польского народа, для его здоровья и силы, для возрождения утраченной государственности первейшим условием стало освобождение крестьянства с тем, чтобы и оно могло начать действовать в интересах этого возрождения, мыслить и чувствовать, как все поляки. Поэтому вокруг этого вопроса и вращалась вся история Польши после ее разделов.

Эту проблему после подавления восстания Костюшко четко обозначил еще в 1795 году один из его участников, огласив свои мысли по-французски, чтобы привлечь помощь Франции. Коротко описав ход последних разделов Польши, он закончил свое послание следующими словами: «Все беды, которые, казалось, выбили Польшу из числа народов, придали ее гражданам достаточный стимул для восстановления былой независимости. Шляхта, обманутая прусским королем, угнетенная и поработенная Екатериной, брошенная извращенным Станиславом, наконец осознала, что ничто так не способствовало падению Речи Посполитой и унижению нации, как неверие в собственные силы народа. Это осознание причин побудило ее обратиться за поддержкой к другой силе, чтобы поднять родину. Эту силу шляхта нашла в многочисленном классе жителей городов и деревень. Известно, что рабство, в котором держат своих мнимых подданных аристократы, является не чем иным, как ярмом деспотизма. Большинство шляхты непоколебимо убедилось также в том, что не сумеет сохранить собственную личную свободу, не сделав ее общей для всех жителей. Великан аристократии склонился перед величием людей, и привилегии были принесены в жертву неписаным законам человека. Дух свободы объединил сердца, и он стал в Польше творцом многочисленных черт патриотизма и отваги».

Это для революционной Франции написал Францишек Ксаверий Дмоховский, рассматривая ее как естественную союзницу будущей польской республики. Однако большинство шляхтичей после разделов Польши так не думало. За исключением светлой и патриотической, но небольшой части шляхты, все усматривали в стремлении освободить народ «якобинство». В частности, один из лучших галицких патриотов граф Валериан Дзедушицкий в докладной записке императору в 1795 году так защищал польскую шляхту от обвинений в якобинстве:

«Достаточно знать польскую шляхту по описаниям, созданным авторами всех национальностей, чтобы понять, что польский шляхтич, привыкший быть верховным судьей по отношению к своим крестьянам, которых он называет своими подданными, очень далек от того, чтобы уравнивать с собой класс этих людей и лишиться себя из-за этого права продавать своих крепостных¹³, считать их переезд из одной деревни в другую без его разрешения незаконным, права пользоваться их трудом, права запрещать холопам перемалывать зерно на чужой мельнице или покупать водку или пиво в чужой корчме. Достаточно видеть, как кланяется своему барину польский крепостной, чтобы окончательно убедиться в том, что польская шляхта весьма далека от принятия французских принципов».

К сожалению, с такими убеждениями шляхта была весьма далека от восстановления своей отчизны, которую она столь играючи потеряла.

Польское имя стерто

Если большинство шляхты покорилося иностранному насилию, то те шляхтичи, которые в последние годы существования Речи Посполитой озаботились проблемой ее спасения, – патриотически настроенные депутаты сейма и участники восстания Костюшко – после разделов Польши не отчаялись, не опустили руки, а включились в борьбу за восстановление ее независимости. Таких было совсем немного, так как самые стойкие из них, начиная с Костюшко, стенали в русских застенках, а Коллонтай и Зайончек – в австрийских.

Те же политики и военные, кому удалось сбежать за границу, образовали в Венеции небольшой кружок. Избрав там комитет, они отправились в Париж, где встретились с другими эмигрантами, и прежде всего с Франтишеком Барссом, которого Костюшко в свое время направил туда в качестве агента и которому удалось установить контакты с французским правительством. В жарких спорах с Барссом 22 августа 1795 года эмигранты создали так называемую Депутацию, в состав которой вошло пять человек.

В процессе ее создания они составили первую программу действий польского народа после разделов Польши. В ней, в частности, было записано, что посреди всех несчастий, даже самых больших, отчаиваться не стоит. Пусть поляки и утратили свою отчизну, но постоянно такое продолжаться не может. Усилия польского народа по освобождению из неволи и спасению своей страны не могут не привлечь внимания других государств, а коренные интересы заставят эти державы предпринять соответствующие действенные шаги. При этом Французская республика дает полякам ободряющую надежду на возрождение их родины. И пусть у них нет никакого правительства, но есть народ, которому не занимать духа свободы. Поэтому нужно стремиться к священной цели – возрождению отечества, предоставляя о Польше политическую и коммерческую информацию для привлечения к ней внимания европейских стран, и путем непрерывной переписки поддерживать дух стойкости у соотечественников, опустивших руки из-за стольких несчастий.

Эмигранты обратили внимание прежде всего на Францию, которая обещала оказывать братскую помощь всем народам, пытавшимся добиться своей свободы. Поднимая польский вопрос, они думали, что Франция просто обязана выплатить долг благодарности за то, что раздел Польши отвлек внимание коалиции и предотвратил ее вторжение во Францию. Однако вскоре, когда 22 сентября 1795 года польская Депутация столкнулась с ограничениями французского Конвента, они поняли, насколько ошибались. И тогда Конвент из уст председателя Депутации Францишека Дмоховского услышал следующее: «Поляки взялись за оружие (имеется в виду восстание Костюшко) только в надежде на поддержку французов, торжественно объявивших себя друзьями свободных людей... И если они были разбиты, так как сражались только своими силами, то их усилия являлись полезными для Франции, поскольку стали отвлекающим маневром, который остановил силы коалиции и облегчил продвижение французских войск. Когда деспотизм все отнял у поляков, их имущество, родину, правительство и закон, у них ничего не осталось, кроме их сердца. Они ожидают, что Французская республика, следуя голосу собственных интересов и великодушия, использует свое мощное посредничество и своих многочисленных союзников, чтобы восстановить независимость Польши».

Конвент жестко отреагировал на эти слова истины. Он, как и Комитет общественного спасения, правивший Францией с 1793 года, а также его преемник с ноября 1795 года – Директория, несколько раз отвергал проекты создания польских легионов, так как это могло быть расценено как вмешательство в польские дела и затруднило бы достижение мира с коалицией, к которому очень стремилась Франция, выйдя на линию Рейна и Нидерландов.

Поэтому Конвент громогласно огласил постановление о невмешательстве во внутренние дела других государств, а следовательно, и в дела Польши. Однако на этом он не остановился и

с редкой недалёковидностью решил принести поляков в жертву. Поляки же, такие как Барсе и Дмоховский, не зная хитросплетений дипломатии того времени, не умея в них разбираться и не предполагая у французского правительства такой недобросовестности, служили всего лишь инструментом во французской политике. Их просто вводили в заблуждение различными отговорками.

Третий раздел не прошёл столь же гладко, как два предыдущих. Оккупационные войска заняли польские приграничные земли, как им и предписывалось в случае начала войны, Россия – Варшаву, Пруссия – Краков, а Австрия – Люблин и Волынь, но согласия между ними по разграничению территорий захваченных районов не было. Вечно жадная Пруссия требовала отдать ей земли по всему левому берегу Вислы с Краковом, Сандомиром и Варшавой, России было трудно отказаться от Волыни, а Австрия в случае их договоренности могла лишиться своего интереса, как при втором разделе.

Начались переговоры и торги, в ходе которых Россия сблизилась с Австрией и 3 января 1795 года заключила с ней договор о разделе, признав за австрийцами Краков и Сандомир, а за Пруссией – Варшаву. При этом оба государства обязались добиться признания такого раздела со стороны Пруссии. Желая укрепиться и прикрыть свой тыл, они вышли из коалиции против Франции и 5 апреля 1795 года в Базеле заключили с ней мир, пригрозив в случае чего создать союз.

В ходе этих споров была минута, когда реально могла вспыхнуть война. Екатерина II, узнав, что Пруссия для устрашения поляков держит генерала Мадалинского¹⁴ в темнице, заявила своему окружению: «Если толстый Вильгельм выпустит против меня своего угнетателя Мадалинского, я выпущу против него мою бедную и все еще большую скотину Костюшко. Правда, он нежен, как ягненок, и думаю, поэтому не станет бросаться на толстяка».

В последний момент Пруссия испугалась и 24 октября 1795 года согласилась на предложенный договор о разделе.

Однако, когда в воздухе действительно запахло войной, у венского двора возникла идея, что она должна вестись под лозунгом создания польского государства в качестве второй секундогенитуры¹⁵ династии Габсбургов. При этом в берлинском дворе тоже планировалось создать такую Польшу, которая находилась бы под скипетром прусского короля или одного из членов его династии.

Полякам же, особенно тем, которые проживали в австрийской части Польши, идея возрождения польского государства под скипетром Габсбургов казалась наилучшей хотя бы потому, что Австрия не принимала участия в последних войнах с Польшей и не допускала насилия в отношении своих польских подданных. Поэтому два польских господина, а именно Валериан Дзедушицкий и Юзеф Максимилиан Оссолинский, имевшие отношения с венским двором, направили ему памятную записку, в которой написали об угрозе, исходившей от России для Австрии, а именно для Галиции, где в восточной ее части проживали русины. В связи с этим венскому двору предлагалось прекратить войну с Францией, помириться с ней и обратиться против России, не забывая о решении польского вопроса. А Оссолинский в специальной брошюре довел эту идею до французского Конвента.

Ее во французском правительстве поддержала польская Депутация, но император Франц I¹⁶, поддавшись влиянию своего воинственного министра Франца фон Тугута, эту идею проигнорировал. А вот в Пруссии мысли о необходимости решения польского вопроса казались ближе к реализации, так как, когда Екатерина II пообещала Австрии помощь в войне с Францией, французское правительство выступило с проектом создания большой коалиции против России в составе Пруссии, Швеции и Турции с тем, чтобы Россия увязла на Востоке и отказалась от похода против Франции.

Между тем прусский король Фридрих Вильгельм II под влиянием дяди принца Генриха Прусского и своего любимца Бишофсвердера, представивших ему в марте 1796 года проект войны с Австрией и Россией, а также польского восстания, вынашивал замыслы о том, как ему заполучить польскую корону. Об этом король советовался с польским генералом Генриком Домбровским, а затем выдал свою двоюродную сестру Луизу за князя Антония Радзивилла, чтобы сблизиться с поляками. Под влиянием французского правительства эту идею подхватила польская эмиграция. Причем Барсе обосновал ее в отдельной брошюре. Однако Пруссия в конечном итоге испугалась войны с Россией.

Франция не осмелилась давить на Пруссию и, опасаясь, что она испугается заниматься польскими делами и свяжется с Россией, отказалась настроить ее против русских. Вместо этого французское правительство направило все свои усилия на достижение победы над Россией Турции. Причем в этом, о чем еще будет сказано, в качестве инструмента оно снова использовало поляков.

Пруссия, обнаружив списки польских заговорщиков, передала их России, а затем три государства, участвовавшие в разделах Польши, поняв, какая опасность им грозит, 26 января 1797 года заключили дополнительный договор о разделе. Причем, разделив государство, они попытались разделить и народ, для чего вынудили тех, кто имел поместья в разных оккупированных территориях и представлял собой своего рода смешанных подданных, избрать для себя одно гражданство, а имущества, располагавшиеся в других частях, продать, ликвидировав все заграничные счета. Само собой, за бесценок. Были ограничены проезд людей и перевозки грузов через границы, а также выезд на учебу в школы, располагавшиеся в других частях Польши.

При этом в секретной части договора все три государства, участвовавшие в разделе Польши, признали «необходимость искоренения всего того, что может напоминать о существовании Польского королевства, поскольку ликвидация этого политического института завершена». Кроме того, они обязались «никогда не включать в свои титулы название или общее обозначение Королевства Польского, которое отныне будет навсегда отменено. Однако когда-нибудь им будет разрешено частично использовать титулы, которые им принадлежат, или названия различных провинций этого королевства, перешедших под их правление».

Таким образом, сбылись пророческие слова первого ректора Виленского университета Петра Скарги, который предупреждал: «Из-за ваших раздоров земли и княжества великие, объединившиеся с Коронай и слившиеся в единое тело, отпадут и развалятся». «Вы, правившие другими народами, превратитесь в посмешище и предмет для издевательств со стороны своих врагов».

Легионы

Через неделю после подписания вышеназванного договора, старшего польское имя, генерал Ян Генрик Домбровский создал в Милане легионы, поскольку еще 10 октября 1796 года Директории Французской республики был представлен проект образования польских легионов при французских армиях на Рейне и в Италии. Предполагалось, что легионы станут служить основой и школой будущей польской армии. При этом предусматривалось, что они будут состоять из польских офицеров и «галичан, насильственно взятых на австрийскую службу (и взятых в плен), подчиняясь приказам французских генералов и следуя путем, указанным им французским правительством в соответствии с его планами. Если обстоятельства позволят использовать это армейское ядро в Польше, то оно будет увеличено за счет набора, что приведет к формированию армии, которая начнет наступательные действия совместно с Французской республикой. Зародыши этой польской армии будут работать, в частности, над поддержанием готовности патриотов в самой Польше к восстанию. Следовало бы также собрать польских

эмигрантов в турецких провинциях, и тогда их корпус отвратил бы Австрию от войны с Францией».

Случилось так, что французское правительство, первоначально отвергнув этот проект, затем неожиданно с ним согласилось. Генерал Бонапарт, назначенный в марте 1796 года главнокомандующим французской армией в Италии, одержал блестящую победу над поочередно высылаемыми против него австрийскими армиями. Заняв Ломбардию, он учредил в ней Цизальпинскую республику, а для ее обороны решил создать итальянский легион.

Однако этот самовольный шаг победоносного главнокомандующего шел вразрез с политикой Директории, которая, потерпев неудачу в попытке склонить Пруссию к войне с Россией, решила использовать победы над Австрией и любой ценой помириться с ней, а забрав у нее Нидерланды, возместить ее потери именно в Италии. Бонапарт же, создав итальянский легион против Австрии, перечеркнул эти планы. Поэтому Директория вместо итальянского легиона выделила для Цизальпинской республики польский легион, который после подписания мирного договора и компенсации потерь Австрии за счет Италии было легче распустить.

Домбровский, хотя и почувствовал опасность, в ноябре 1796 года приехал к Бонапарту, завоевал его доверие, обговорил создание легиона и 9 января 1797 года подписал с Цизальпинской республикой договор о «помогающих Ломбардии польских легионах». Сохранив максимально близкие к польским войсковые знаки отличия и военную организацию, легионеры, как и другие ломбардские войска, стали проживать в отдельных казармах, получать припасы, жалованье и все необходимое.

Было также обговорено, что офицерские патенты будут выдаваться по представлению Домбровского ломбардским правительством, а утверждаться генерал-губернатором Ломбардии. При этом легионеры получали право на приобретение ломбардского гражданства, что, однако, не мешало им отправиться по домам в случае необходимости, если Ломбардия станет свободной или не сможет себя отстоять.

На основании этих договоренностей Домбровский с жаром занялся созданием легиона, призвав земляков вступать в него в специальном воззвании от 20 января такими словами:

«Поляки!

У нас возникла надежда. Франция дает нам убежище. В ожидании лучших времен для нашей страны станем под ее знамена! Сохраним свою честь и добьемся победы!»

Безжалостно рекрутируя солдат, австрийское правительство призвало в армию в обеих Галициях большое число людей, которые в ходе победоносных битв Бонапарта десятками тысяч попадали в плен, а попав во французские тюрьмы, охотно соглашались вступить в легион. Легион рос в численном отношении, принимал участие в боях, и Домбровский, видя, как Бонапарт победоносно вступил на территорию Австрии и двинулся на Вену, начал предаваться розовым мечтам. Вера в военный гений Бонапарта воодушевляла легионеров. Не задаваясь вопросом, насколько тяжело доставались ему победы и как часто его удача буквально висела на волоске, когда всего лишь одна ошибка могла привести к катастрофе, они верили, что для него ничего невозможного не существует и что скоро он вторгнется в польские земли, а легион, идя вместе с ним, поднимет народ на всеобщее восстание.

Домбровский был даже готов пройти вместе с легионом через Турцию до Валахии и, пополнив его ряды за счет тамошних польских эмигрантов, вторгнуться в Галицию, чтобы устроить там диверсию в интересах Бонапарта. Он не предполагал, что Франция и ее лидер всего лишь хотели как можно скорее воспользоваться своими победами для достижения долгожданного мира с Австрией и, таким образом, отвести от себя возросшую более чем когда-либо угрозу со стороны коалиции¹⁷. Весть о том, что Бонапарт, дойдя со своей армией практически до Вены, в апреле 1797 года подписал с Австрией перемирие в городе Леобен, дошла до поляков как гром среди ясного неба.

В результате легионы утратили цель, для которой создавались, – возрождение отчизны с помощью Франции. Им грозило, если они останутся, превратиться в наемников для решения чуждых для них задач. К тому же настроенная против Домбровского парижская Депутация не преминула использовать сложившуюся ситуацию и начала строить против него интриги, проводя среди офицеров легиона работу по деморализации легионеров.

Тем не менее до наступления настоящего мира все еще было далеко, так как Австрия умышленно затягивала переговоры, чтобы нарушить достигнутые договоренности. Со своей стороны беспринципная французская Директория вознамерилась в последний момент направить легионы в Валахию или Венгрию, чтобы запугать Австрию и склонить ее к соглашениям. В итоге в воздухе реально запахло новой войной.

Неудобен был Домбровский и для Бонапарта. Ведь еще до создания легионов и завоевания ими заслуг на полях сражений он докучал ему лично и забрасывал его докладными записками с более или менее фантастическими проектами по восстановлению Польши, созыву за границей последнего польского сейма и обеспечению его участия в мирных конференциях. Тем не менее Бонапарт терпеливо его выслушивал, намекая Домбровскому, что «восстановление Польши зависит от времени и поворотов судьбы». Однако, ценя помощь легионов, выросших до более семи тысяч солдат, он терпел его настойчивость и оказал ему поддержку в отношении республики в Ломбардии, преобразованной в Цизальпинскую.

Этого было достаточно, чтобы оживить дух легионов. Прибывший незадолго до этого к Домбровскому Юзеф Выбицкий – настоящий патриот, являвшийся депутатом четырехлетнего сейма и участником восстания Костюшко, – под влиянием появившейся надежды сочинил песню «Польша еще не умерла» (эта строка вскоре была заменена на слова «Еще Польша не погибла»), ставшую впоследствии гимном польского народа. Кроме двух легионов Домбровского, в ломбардском городе Брешиа под руководством генерала Зайончека был сформирован отдельный отряд, состоявший на жалованье Циспаданской республики¹⁸, а также создан легион в Генуе на жалованье Генуэзской республики. Офицеры потоком стекались из Польши, а солдатский материал, состоявший из галицких пленных, оказался просто неисчерпаемым.

Однако вопреки всем опасениям и ожиданиям 17 октября 1797 года вблизи местечка Кампо-Формио мир был заключен. Франция получила границу по Рейну и сохранила Цизальпинскую республику, передав Австрии в качестве компенсации недавно оккупированную Венецию и ее владения на Адриатике. Таким образом, опасность, исходившая для Франции от грозной коалиции, была отодвинута.

Конечно, ради нескольких тысяч польских легионеров Франция не могла поставить на карту свое существование. Труднее оправдать то, что в мирных договорах Бонапарт без колебаний жертвовал польскими легионами в интересах Франции. В частности, французские роялистские легионы, поддерживаемые Австрией, были обеспокоены тем, что Франция вышла к Рейну, и поэтому стороны франко-австрийского мирного договора оговорили, что «тем, кто желает причинить вред или другой договаривающихся сторон, не будет оказываться никакая помощь, а также прямая или косвенная поддержка».

В результате Франция перестала поддерживать польские легионы. При этом было довольно странным ее решение, когда, объявив амнистию жителям оккупированных стран, она не предоставила ее легионерам, набранным из австрийской армии. Поэтому рядовые легионеры из-за боязни подвергнуться суровым военным наказаниям не могли вернуться на родину. Офицеров же, приехавших из Польши, бросать на произвол судьбы было тоже нельзя. В итоге легионы сохранились, для чего нашлась лазейка – они ведь находились на жалованье итальянских республик, и формально Франция отношения к ним не имела.

Никто не верил в постоянный мир, хотя он и был таковым провозглашен. Поэтому легионы продолжали существовать в неопределенности. Однако родина стоила того, чтобы рискнуть, и к этому были готовы несколько сотен польских офицеров и тысячи солдат.

Чувствительный удар по легионам нанесла экспедиция Бонапарта в Египет в мае 1798 года. Запертый там с большой армией в результате разгрома в августе англичанами французского флота под Абукиром, он перестал оказывать большое влияние на территорию Европы своим военным гением, и враги Франции вздохнули с облегчением.

В России после смерти Екатерины II с 17 ноября 1796 года воцарился Павел I. Бросаясь из одной крайности в другую, он начал со сближения через Пруссию с Францией. Однако, испугавшись похода Бонапарта в Египет, нанесшего удар по влиянию России на Востоке, Павел I пошел на союз с Австрией и заключил с ней в сентябре 1798 года Конвенцию, породив тем самым вторую коалицию против Франции. Когда же Австрия в марте 1799 года снова начала войну с Францией, он послал ей на помощь сильную армию под командованием Суворова.

Бонапарт отсутствовал, и тогда в победных сражениях при Треббии в июне и при Нови в августе объединенные русско-австрийские войска разгромили французов, а также помогавших им итальянцев и поляков, очистив от них Италию. Тем не менее на полях сражений этой проигранной кампании польские легионы покрыли себя неуязвимой славой. Один из них, посланный для защиты Римской республики¹⁹ от короля Неаполя Фердинанда IV, даже временно занял Рим. Он храбро сражался на стороне французской армии, а затем вернулся на север для подготовки большой переправы.

Легионы принимали участие во всех кровопролитных битвах, отличаясь высокой дисциплинированностью и мужеством, а также блестящими военными талантами своих командиров. Однако на полях сражений их численность таяла. Так, один батальон, запертый в городе Мантуя в результате его капитуляции 30 июля 1799 года, попал в руки австрийцев, жестоко расправившихся с галицкими дезертирами. Остатки легионов укрылись в Генуе вместе с французской армией и стали ее защищать. Обескровленные и разбитые, они требовали полной реорганизации, что и предпринял Домбровский, с большим трудом получивший на это средства в феврале 1800 года.

Тем временем военная удача переменилась. Между русскими и австрийскими войсками возникли трения, и Суворов, оставив завершение войны в Италии Австрии, направился в Швейцарию с тем, чтобы, объединившись с находившимся там генералом Римским-Корсаковым, вторгнуться во Францию. Однако он опоздал, так как в сентябре 1799 года Римский-Корсаков был разбит генералом Массена под Цюрихом. Вследствие этого Суворов оказался в трудном положении и уже в октябре начал отвод войск в Россию.

Австрийцы в Италии остались в одиночестве, но еще были хозяевами положения. Однако в том же месяце Бонапарт внезапно вернулся из Египта и 9 ноября 1799 года совершил государственный переворот. Отстранив от власти Директорию и взяв бразды правления в свои руки в качестве первого консула французского правительства, он, как некогда Ганнибал, перевалил через Альпы и в июне 1800 года наголову разбил австрийские войска в битве при Маренго, а затем занял всю Италию.

Только что реорганизованным легионам Домбровского не довелось участвовать в сражении при Маренго. Однако, когда другая французская армия под командованием генерала Моро направилась в Германию для войны с Австрией, французское правительство придало ей получивший название «наддунайский»²⁰ польский легион под командованием генерала Кароля Отто Княжевича. Уже 3 декабря этот легион принял участие в крупном сражении возле местечка Хоэнлинден неподалеку от Мюнхена, отличившись атакой на тылы австрийских войск.

Тяжелый труд и тяготы, переносимые легионами, были мучительными еще и из-за того, что, сражаясь с австрийской армией, им приходилось воевать с поляками, насильственно призванными во вражеские ряды. Предсказывая все последствия «золотой свободы», Скарга не предвидел только того, что для восстановления родины брату придется сражаться с оружием в

руках против брата и что эта братоубийственная борьба прекратится лишь с обретением Польшей независимости.

Великие подвиги легионов не принесли полякам ожидаемых плодов. Австрия, потерпевшая поражение при Маренго и Хоэнлиндене, запросила мира. И в феврале 1801 года в Люневиле Наполеон на это согласился, радуясь, что ему удалось отодвинуть опасность от Франции и выиграть время и условия для того, чтобы преодолеть сопротивление, которое угрожало ему в Париже. Безжалостные роялисты, не стеснявшиеся подсылать к нему наемных убийц, являлись настоящим ужасом, от которого Бонапарт хотел избавиться любой ценой. Ради всех этих соображений он и принес в жертву польские легионы, повторив условие заключенного в Кампо-Формио договора о неказании помощи внутренним врагам обеих сторон.

Вспыльчивый генерал Княжевич отреагировал на это, подав в отставку и бросив «наддунайский» польский легион на произвол судьбы. Легион перевели в Тоскану, куда он прибыл полностью деморализованным и без многих офицеров, следовавших примеру Княжевича. Домбровский же, упрекая его за такой шаг, продолжал упорствовать, хотя и в его легионе стало проявляться неприязненное отношение к Бонапарту, появилась бедность, бродили заговоры и начали вспыхивать мелкие бунты.

В связи с этим Домбровский начал вынашивать авантюрный план по переброске легионов в Морею²¹, чтобы дожидаться там всеобщего мира под защитой Турции. Тогда первый консул, который после установления мира с Австрией заключил в октябре 1801 года мирный договор теперь уже с Россией, решил жестко избавиться от польских легионов, сначала включив их в качестве полубригады в состав французской армии. Это должно было выглядеть как компенсация за перенесенные невзгоды, а на самом деле позволяло заметно облегчить управление ими без учета их целей, связанных с будущим Польши, и заключенных с ними соглашений.

Домбровский перестал быть командиром, и командование польской полубригадой было передано французскому генералу Виньолю. В мае 1802 года эту полубригаду, расквартированную в Тоскане, погрузили на корабли в Ливорно и перебросили на остров Сан-Доминго, где французская армия во главе с генералом Леклерком подавила восстание негров. При этом мужественно сражавшийся двухтысячный польский отряд погиб не столько в результате боев, сколько из-за убийственного климата.

Однако это не помешало Бонапарту послать из Генуи в Сан-Доминго вторую польскую бригаду, которую постигла та же судьба. Третья польская полубригада и полк улан избежали этой участи, так как Бонапарт экспедицию на Сан-Доминго свернул. Посланные в Апулию, они сражались там с кельтами и англичанами.

Действия Бонапарта по отношению к польским легионам не могут быть оправданными никакими соображениями. Их героические усилия закончились беспрецедентным поражением. И все же ни одно зерно, посеянное в благодатную почву, не дало таких буйных всходов, как зерна, внесенные в польскую землю легионами.

Тем не менее все их памятные записки и манифесты терялись в потоке представленных в то время правительствам и их лидерам политических статей и программ или объявленных в печати. Однако споры и интриги между легионерами прекратились.

Военный подвиг легионов даром не пропал. В то время, когда народ, раздавленный бременем разделов, расчлененный и лишенный своего имени захватчиками, казалось, фаталистически примирился с этим и залег в спячку, легионы громко поднимали свой голос. Во всем мире был слышен их протест, содержащий идею возрождения польского народа и государства, его воинской славы, которая сильно пострадала в последних двух войнах. И если Костюшко просто протестовал против приписываемых ему слов «*finis Poloniae*»²², то легионы на деле доказали, что народ веру в свое возрождение не утратил.

Компромисс или борьба

Военная слава легионов доходила до Польши, высвечивая личности Домбровского, Княжевича, Вельхорского, Зайончека, Косиньского и многих других, пробуждая патриотические чувства у лучшей части польского общества и отрывая ее от унылой действительности. При этом переписывавшиеся и тайно распространявшиеся обращения Домбровского привлекали в легионы бывших офицеров. Непосредственно же политической пропагандой в Польше занималась польская Депутация, штаб-квартира которой находилась в Париже.

Она направляла в Польшу агитаторов и организовывала заговоры с целью подготовки народного восстания. Причем заговоры, спровоцированные эмиссарами парижской Депутации, являлись более чем странными. Ведь, хотя эмиссары и действовали тайно, практики у них, видимо, явно не хватало. Сказывалась и память о прежних публичных конфедерациях. О действиях этих тайных эмиссаров не знал только тот, кто этого не хотел, – разговоры велись открыто, а переписка осуществлялась без всякой, даже примитивной осторожности.

Поэтому лучше всего о них была информирована оккупационная полиция. Она до поры до времени их терпела, прибегая в том числе к провокаторам, а затем, перехватив переписку, организовывала громкие процессы, обвиняла и карала подозреваемых, делая из них мучеников народного дела. В результате все эти заговоры не только не влияли на шляхтичей, но, пожалуй, их даже отпугивали.

Типичным примером такого наивного заговора была конфедерация, созданная 6 января 1796 года в Кракове для поддержки целей парижской Депутации и легионов, а затем перенесенная во Львов под названием «Центральная ассамблея». Она состояла из помещиков во главе с Валерьяном Дзедушицким. Члены этой конфедерации рассуждали столь открыто, что комендант Львова генерал граф Арнонкур пренебрежительно отмахнулся от нее, полагая, что, кроме пустых разговоров, опасности для государства не существует. Тем более что многие заговорщики руководствовались идеей восстановления Польши Австрией.

Однако в Валахии возле галицкой границы скрывалось множество польских военных, бежавших туда после последних проигранных битв. И «Центральная ассамблея» этих военных в их крайней нищете поддерживала как в моральном, так и в материальном плане, рассчитывая на то, что во время войны с Россией они могут пригодиться. В ожидании войны Турции с Россией «Центральная ассамблея» готовила также восстания на Волыни, в Брацлавском воеводстве и Киеве, рекомендуя привлекать в ряды заговорщиков также мещан и крестьян.

Рассчитывала на выходцев из Польши в Валахии и французская Директория. Когда Турция начала затягивать с объявлением войны России, она без колебания начала подговаривать их к осуществлению нападений на русскую границу, чтобы спровоцировать русско-турецкую войну и вывести тем самым Россию из состава анти-французской коалиции.

Рассчитывала на них, наконец, и Россия, настраивая бывших польских военных против Австрии и надеясь добиться от них согласия на оккупацию восточной части Галиции. Причем, по всей видимости, России это удалось. Так, Ксаверий Повала-Домбровский (родственником командира легиона Яна Генрика Домбровского не являлся), один из организаторов этих беженцев, присланный парижской Депутацией, попался на удочку России и привел в нее значительное их число, снискав за это великую милость.

Другой же, Иоахим Дениско, пытался убедить выходцев из Польши в Валахии атаковать Австрию, а когда наткнулся на их сопротивление и яростный протест львовской «Центральной ассамблеи», увидевшей ужасные последствия такого безумного предприятия, организовал тем не менее нападение двухсот отчаянных головорезов на австрийские пограничные заставы. Нападавших легко отразили, и восемь из них повесили, но самому Дениско удалось скрыться в России, где его щедро отблагодарили. Ведь организованная им атака бросила тень на членов

львовской «Центральной ассамблеи», что привело к многолетнему следствию и заключению некоторых из них в тюрьму. Гонения распространились и на организацию заговорщиков, которую по поручению львовской «Центральной ассамблеи» организовал в Литве генерал Гедройц.

Этот печальный конец львовской «Центральной ассамблеи» не помешал парижской Депутации создать в конце сентября 1798 года новую и на этот раз радикальную организацию заговорщиков в Варшаве под названием «Общество польских республиканцев». Это общество для привлечения крестьянства в своем уставе провозгласило стремление к свободе и установлению равноправия крестьян с другими гражданами Польши, а также декларировало ненависть к тирании, несправедливости и монархизму.

Деятельность общества вылилась в мелкие демонстрации в Варшаве, которые были приписаны австрийским эмиссарам, имевшим цель захватить Пруссию, связанную с Францией. Этот заговор прошел бы бесследно, если бы им не воспользовался Костюшко, о чем мы расскажем несколько позже.

На этом намерения проводить компромиссную политику с использованием в интересах Польши Австрии или Пруссии себя исчерпали. Стало окончательно ясно, что поляки не смогут навязать ее участвовавшим в разделах правительствам и что они сумеют воспользоваться ею только в том случае, если одно из этих правительств выступит вместе с ними против остальных и тогда будет готово пойти на некоторые уступки.

По этой причине политика компромиссов в русской части Польши оказалась более успешной. Дело заключалось в том, что занявший российский престол 17 ноября 1796 года после смерти Екатерины II император Павел I, изменяя политику своей матери, перестал мстить полякам, посетил Костюшко в тюрьме и освободил его, а также несколько тысяч польских военных и политиков, участвовавших в последнем восстании, сослав их вглубь России. С его стороны это был шаг человеколюбия и в то же время ловкий ход, потому что условием их освобождения, особенно Костюшко, было принесение ими верноподданнической присяги.

Для освобождения заключенных Костюшко выполнил это условие, за что получил разрешение на выезд за границу и подарок в размере 50 000 рублей. Это было воспринято всеми как отказ от борьбы и примирение поляков с новым правлением. Многим Павел вернул конфискованное имущество, некоторых назначил в Сенат, а других в различные столичные учреждения.

За этим последовало восстановление литовского статута и судебной системы на польском языке, а также уездных сеймиков, избиравших судей. В 1787 году в Вильно были созданы Эдукационная и Госпитальная комиссии по уходу за образовательными и благотворительными учреждениями, которые восстановили польские школы и усовершенствовали Виленский университет. По соглашению с папским легатом Литгой была организована иерархия католической церкви, которая заменила самовольные учреждения Екатерины II.

В результате всего этого Павел I и его российское правительство завоевали себе такую симпатию польского общества, особенно в Варшаве, что об этом заговорили даже за пределами русского государства. Не случайно новый прусский король Фридрих Вильгельм III (с 16 ноября 1797 г.) приказал чиновникам доброжелательно обращаться с поляками, но дальше этого не пошел.

Эта первая политика компромиссов одного из оккупационных правительств в отношении своих польских подданных явилась для народа Польши редкой иронией судьбы. Ведь если Пруссия и Австрия стремились осуществить германизацию своих польских владений, вследствие чего культурная жизнь в них замирала, то в российской части Польши для польского народа открылось большое, свободное пространство, в котором он мог не только проживать, но и развиваться. Это было тем более важным, так как на данной территории польскими являлись только шляхта и несколько крупных городов. В сельской же местности проживали литовцы и русские.

Однако для российских властей это не имело никакого значения, поскольку крестьяне были исключительно крепостными. И в обладании этими крепостными польские помещики соединялись с российскими, которые на пути дарений им поместий оказались в Польше. Таким образом, компромиссная политика русского правительства в отношении поляков являлась также (в отличие от более поздних соглашений) проявлением единения польского и российского дворянства, что нашло отражение в общественной жизни наподобие того, как взаимодействуют у человека правая и левая руки.

Тем не менее политика компромиссов и идея возрождения польского государства с помощью одной из держав, разделивших Польшу, неожиданно натолкнулись на протест. И исходил он от самого предводителя последнего восстания в борьбе за независимость Костюшко.

Выпущенный из темницы Павлом I, в середине 1797 года Костюшко уехал в Америку. Но уже через год он вернулся во Францию, немедленно отослал назад императору подарок в размере 50 000 рублей, полученный им на отъезд, и публично порвал с ним. Тогда Домбровский со своими легионами, польское агентство «Барса» и парижская Депутация провозгласили его народным вождем и перешли под его руководство. Костюшко согласился со своим новым положением, примирил конфликтовавших между собой соотечественников и был демонстративно принят во Франции как борец за свободу. Во французском правительстве он выступил в защиту легиона Домбровского и поддержал идею создания нового польского легиона на Рейне под командованием Княжевича.

Однако долго проводить такую политическую линию ему было не суждено. Подкошенный длительной болезнью от полученных во время сражения при Мацейовицах ран и временем, проведенным в заключении, а еще больше тем, что принес русскому императору верноподданническую клятву, он утратил способность к успешным действиям. Не разбираясь в замысловатых приемах практической политики, Костюшко все больше и больше укреплялся в необходимости осуществления разработанной им доктрины и, веря в ее силу, даже не задавался вопросом, можно ли ее осуществить в сложившихся условиях.

Ранее уже говорилось, что еще до прибытия Костюшко в Польшу столкнулись друг с другом сторонники двух направлений. Первые придерживались лозунгов конституции 3 мая и не хотели выходить за их пределы, то есть придерживались монархической формы правления и сохранения крепостничества, а вторые выступали под лозунгами восстания 1794 года, то есть республиканской формы правления и освобождения крестьянства, считая, что иначе поляки не могут рассчитывать на поддержку революционной Франции. С последними и пошел, наконец, Костюшко, вступив в ноябре 1799 года в варшавское Общество польских республиканцев, которое провозгласило «ненависть к монархизму, освобождение нации и создание национального правительства по принципу подлинного равенства и соблюдения прав человека».

Согласившись с этим лозунгом, Костюшко сразу же столкнулся с Княжевичем, который доказывал ему, что Франция из-за поляков войну никому не объявит и что Польшу могут возродить только общие интересы Франции с одной из разделивших Речь Посполитую держав. Не желая этого признавать, Костюшко призвал легионеров поклясться в ненависти к королям и аристократии, но, услышав от Бонапарта, что спасение Польши должно быть предоставлено ее дальнейшей судьбе, перестал ему досаждать, хотя первый встречный шаг он сделал еще тогда, когда тот провозгласил себя консулом.

Случилось так, что император Павел I после похода Суворова в Италию и русско-английской военной кампании в Нидерландах, а также после великой победы Бонапарта при Маренго отвернулся от коалиции с Англией и Австрией и повернулся к Бонапарту. Тот же не преминул воспользоваться такой ситуацией и для достижения всеобщего мира даже был готов согласиться на создание Польши под скипетром царя или одного из его сыновей. Этого уже принять Костюшко не смог и в 1800 году вместе со своим ближайшим окружением издал брошюру под названием «Могут ли поляки добиться независимости?».

Его ответ на этот вопрос заключался в утверждении, что польский народ достичь независимости может только своими собственными силами, а не за счет иностранной поддержки. При этом подчеркивалось, что для того, чтобы просветить народ, его нужно сначала освободить. Поэтому необходимо новое восстание, которое легко и обязательно увенчается полным успехом. Ведь страны, поделившие между собой Польшу, могут использовать только 450 000 солдат, тогда как Польша способна выставить три или по крайней мере один миллион человек, вооруженных косами. Причем сначала нужно разместить партизан в лесах, а затем провозгласить свободу в самих оккупационных государствах, революционизируя московских крестьян, казаков и так далее. Брошюра заканчивалась обращением к полякам, чтобы они не ждали никаких обстоятельств и не обращали внимания ни на чью-либо войну или мир: «Силы у вас огромные. Используйте их против ваших врагов, и вы победите!»

Однако Костюшко просчитался, когда призвал вооружаться косами и немедленно подниматься на восстание поколение, испытавшее на себе последствия восстания 1794 года, научившееся затем жесткому военному искусству в легионах и ощутившее на себе чудовищное насилие со стороны стран, разделивших Польшу. Против его брошюры выступили легионеры, а также те, кто в варшавском Обществе польских республиканцев составлял союзы и заговоры, но ожидал начала войны между разделившими Речь Посполитую государствами. В конечном итоге победила парижская Депутация, и ее члены во главе с Дмоховским вскоре вернулись на родину.

Костюшко остался в одиночестве, и от большой политики ему пришлось отказаться. Тем не менее его многократно переизданная брошюра польским обществом не осталась незамеченной. Однако наступили времена романтизма, когда силы начали сравниваться с намерениями, а место практической политики заняло участие в игре в патриотизм, и принцип *liberum conspire* (свобода организовывать заговоры и восстания) стал такой же политической догмой, как некогда *liberum veto*. В результате борьба под лозунгом, выдвинутым в брошюре Костюшко, оказалась передвинутой во вторую половину XIX века.

Между тем политика компромиссов с Россией, против которой больше всего выступал Костюшко, переживала редкий триумф. Но внезапно уже довольно тесный союз между Павлом I и Бонапартом был разорван в связи с неожиданной смертью русского императора, который, настроив против себя своей изменчивостью и мнительностью придворную олигархию, погиб от ее руки, будучи задушенным 23 марта 1801 года. После него русский трон занял его старший сын Александр, замаравший себя участием в заговоре против своего отца.

Несколько ранее воспитанный швейцарским либералом Фредериком Сезаром Лагарпом, Александр, будучи еще царевичем, крепко подружился с посланным к петербургскому двору молодым князем Адамом Чарторыйским, в которого влюбилась его молодая жена Елизавета. Поэтому император Павел I отослал Чарторыйского к Сардинскому двору в качестве посла, но после занятия трона Александр I его вернул и назначил на должность своего доверенного советника и заместителя министра иностранных дел, начав вместе с ним строить проекты по восстановлению Польши.

Основой и гарантией успеха этих планов являлся принятый 18 мая 1803 года «Устав или общее постановление императорского Виленского университета и училищ его округа», по которому это учебное заведение расширялось до четырех факультетов с добавлением к нему учительской семинарии для подготовки учителей начальных школ и римско-католической духовной семинарии. Кроме того, на университет была возложена функция надзора и руководства школами. При этом в каждой губернии должна была существовать хотя бы одна гимназия, в каждом повяте одна районная школа, а приходских школ должно было быть столько, сколько их можно создать.

Ежемесячно должны были проводиться заседания профессоров и почетных членов, представлявших собой своего рода ученый совет, для доклада о научных исследованиях и распространения знаний.

Двумя годами позже Александр I издал закон об общеобразовательном Кременецком лицее, придав ему конвикт²³ для кандидатов на должность учителей приходских и женских школ, учителей, проводивших обучение в частных домах, а также школ архитектуры, практической механики, сельского хозяйства, садоводства, хирургии, акушерства и ветеринарии. Причем молодые люди во всех вышеназванных учебных заведениях обучались на польском языке и воспитывались в польском духе.

В результате в русской части Речи Посполитой, точнее, в Литве, польская культура нашла живительный очаг как раз в те годы, когда на исконных польских территориях ее нещадно подавляли прусское и австрийское правительства. При этом всю работу Виленского университета организовал привезенный из Кракова его ректор Ян Снядецкий, лицей в Кременце создал Тадеуш Чацкий, которым помогал освобожденный из австрийской тюрьмы Коллонтай, а следил за всем этим князь Адам Чарторыйский, который был назначен куратором данного научного округа.

Великое герцогство Варшавское

Чарторыйский носился с планом восстановления Польши Александром I за счет Пруссии и выплаты компенсации Австрии. Александр тоже думал об этом, но не без внутренней борьбы. Ведь преступное участие в разделах Польши, кульминацией которого стал договор 1797 года о стирании ее имени, служивший совместной защитой этой деятельности, настолько связало трех монархов, что ни у одного из них не хватало смелости его нарушить. При этом мысль о совместной защите своих завоеваний глубоко засела в умах аристократической, военной и чиновничьей олигархии, группировавшейся при дворах трех монархов. Причем больше всего противилась восстановлению Польши русская олигархия, и самодержцу всероссийскому Александру I приходилось с этим считаться, памятуя о судьбе своего отца, который осмелился выступить против нее путем соглашения с Бонапартом. К тому же внутренним ощущениям Александра I и громким требованиям его придворной олигархии гораздо больше, чем этот тройственный союз, отвечало понимание необходимости противостояния Бонапарту – единственному сопернику русского царя в борьбе за владычество над Европой.

Этот соперник после неслыханных побед, после заключения мира в Люневиле и закрепления Франции на границе по Рейну положил конец тысячелетней римско-германской империи, заменив Германский рейх Рейнским союзом²⁴ без Пруссии и без Австрии и провозгласив себя протектором этого союза. В 1804 же году он объявил себя Наполеоном и короновался как наследный император Франции, а в следующем году как король Италии. Причем проделал Бонапарт все это, основываясь не только на блестящих военных успехах, но и на прекрасной организации своего государства. Так, завершая революционный период, в 1801 году он восстановил конкордат²⁵ с папой, католической церковью и ее иерархией во Франции, усовершенствовал правовой кодекс и создал современную администрацию, которая должна была служить моделью для всех государств.

Все это придавало Наполеону блеск и силу, с которой Александр I мог либо мириться, либо бороться. Он выбрал второе, потому что иначе народ бы его не понял. Однако это убеждение появилось у него не сразу. Александр долго мучил и себя, и своего министра Чарторыйского, ведя с ним беседы о восстановлении Польши в борьбе с Пруссией.

Между тем ожесточенная борьба Наполеона с Англией обострилась. В ходе блокады французских берегов английским флотом у него созрел план перекрыть торговлю всех европейских стран, что ускорило создание третьей антифранцузской коалиции – в апреле 1805

года был заключен российско-английский договор, а в июле к нему присоединилась Австрия. Однако в октябре под Ульмом Наполеон окружил главные силы австрийской армии, которой командовал самонадеянный, но немощный генерал Мак, и принудил ее к капитуляции, а затем, используя свою победу, взял Вену.

Для Александра I пришло время принятия решения. В отношении опустошенной Австрии руки у него были развязаны, и он мог осуществить возрождение Польши под своим скипетром, напав на Пруссию. Ведь его войска стояли на прусской границе, а сам Александр находился в Пулавах, где собрались многие видные деятели Польши, чтобы передать ему в руки решение польского вопроса.

Если бы Пруссия, связанная с Францией Базельским миром, встала на сторону французов, дело дошло бы до войны. Однако Фридрих Вильгельм III был далек от этого и предпочел обеспечить сохранение захваченной польской территории путем достижения договоренности с Россией. Он пригласил Александра в Берлин, а тот, приняв приглашение, торжественно поклялся на гробнице Фридриха II в Потсдаме соблюдать союзнические отношения. При этом Чарторыйский, чей план провалился, вынужден был принимать во всем этом участие и сопровождать русского императора, который свои войска, предназначавшиеся для разгрома Пруссии, направил на помощь Австрии. Однако 2 декабря 1805 года на полях Аустерлица его и императора Франца постигло такое беспрецедентное поражение, что им самим пришлось спастись бегством. Большая часть их войск пала или попала в плен.

Император Франц вынужден был заключить с Наполеоном Пресбургский мир, приняв его условия, по которым Австрия ушла из Италии и вышла из Германской империи. Александр же удалился в Петербург, задыхаясь от чувства мести.

Прежде чем российский император возродил свою армию, воодушевленная победой над французским флотом английского адмирала Нельсона в битве у мыса Трафальгар и полагаясь на свою большую и уважаемую всеми на протяжении последних десяти лет армию, в войну вступила Пруссия. Однако ее постигло жестокое разочарование, потому что 14 октября 1806 года в двойном сражении возле городов Йена и Ауэрштедт прусские войска были разгромлены, и Фридрих Вильгельм был вынужден отступить к границе с Россией.

Александр поспешил ему на помощь, и на территории Восточной Пруссии разгорелась тяжелая зимняя кампания. Ее исход в кровопролитной битве при Эйлау 7 февраля 1807 года решить не удалось. 26 мая сдался осажденный Гданьск, но только в битве под Фридрихландом 14 июня 1807 года военный гений Наполеона позволил разбить русскую армию и добиться 7 июля заключения мирного договора в Тильзите.

Это была беспрецедентная победа, одержанная после восьмимесячной зимней кампании в нескольких сотнях милях к северу от собственной французской оперативной базы, которую заменил захват польской Пруссии с ее людскими и иными ресурсами.

3 ноября 1806 года командующий польскими легионами Домбровский из Берлина призвал поляков к восстанию, а 19 ноября Наполеон принял там польскую делегацию и заявил: «Когда я увижу тридцать—сорок тысяч вооруженных людей, то объявлю в Варшаве о вашей независимости, которую отныне никто не отнимет». Еще 27 ноября, будучи в Познани, он создал Административную военную палату для формирования польской армии, а 14 января 1807 года – Правящую комиссию в составе президента и пяти министров с титулами директоров, наделив ее законодательной и исполнительной властью с задачей создания польской армии и обеспечения на польской территории боевых действий французских войск. Ведь народное ополчение, созыв которого был объявлен в самом начале, себя не оправдало, поскольку его подразделения, если они были созданы, оказались недисциплинированными и необученными. Поэтому требовалось как можно скорее создать из них регулярную армию, которую власти строили на основе призыва.

За короткий промежуток времени это войско стало многочисленным и приняло достойное участие в продолжающейся войне. Причем такое стало возможным потому, что Польша тогда уже располагала остатками легионов и храбрыми офицерами, прошедшими хорошую школу в ходе боевых действий легионов.

С песней «Еще Польша не погибла» в страну вернулся легион, действовавший в Италии и принявший участие в боях в регионе Абруццо. Подтянулись и остатки других легионов.

Новое польское войско было разделено на три соединения под командованием князя Юзефа Понятовского, дивизионного генерала первого класса Зайончека и дивизионного генерала Домбровского, которые охотно принимали в состав своих частей стекавшихся к ним новобранцев. Они, как могли, вооружали полки, в основном оружием, захваченным у пруссаков, и отправлялись в бой. При этом Домбровский разгромил пруссаков возле города Тчев, очистил от них Западную Пруссию, облегчив генералу Франсуа Жозефу Лефевру осаду и взятие Гданьска, а оттуда форсированным маршем направился к Фридланду и принял достойное участие в сражении.

Передовые идеи итальянских легионов, перенесенные на родную землю, восторжествовали, и теперь их следовало укрепить, поскольку большинство польского общества, прожившего в условиях длительного мира и процветания при прусском правлении, к этому оказалось не готово и не хотело идти на жертвы ради возрождения Польши. Непомерные требования и частые злоупотребления со стороны войск вызывали разочарование и жалобы. Нашлись и такие, которые в момент тяжелых военных усилий начали восхвалять прусские времена. Польские орлы и их военные подвиги вызывали энтузиазм, но понимание того, что военная удача не может длиться вечно, и неуверенность в том, что она принесет мир, вызывали беспокойство. Ведь перед глазами сомневающихся постоянно всплывала горькая участь легионов в Сан-Доминго.

Досадной нестыковкой в первой попытке возрождения народа на собственной земле со времен разделов Польши стало поведение его «предводителя». На предложение Наполеона принять участие в кампании против Пруссии в качестве его советника Костюшко сначала отказался, а затем заявил, что согласится на это, если французский император первоначально конфиденциально в письменной форме, а затем публично четко объявит, что:

1. Польша будет построена по английскому образцу;
2. Крестьяне обретут свободу и получают в собственность земельные участки, которые они в настоящее время возделывают;
3. Границы Польши будут простираться в одну сторону от Риги до Одессы и от Гданьска до Венгрии в другую.

Когда императору сообщили об этом, он высказался о Костюшко с пренебрежением. Тот действительно мог бы отказаться от сделанного ему предложения, если бы не доверял Наполеону в его польской войне, но такую позицию, какую он занял, было трудно оправдать. Ведь выполнение первых двух его требований являлось делом самих поляков, и было странным ставить их условием для властелина, от которого ожидали возрождения Польши «от моря до моря». К тому же для воссоздания страны в таких границах требовалось победить все три государства, разделившие Речь Посполитую. Однако в тех условиях это было нереально и вдобавок не соответствовало провозглашенному ранее польскими вождями тезису о том, что с этим Польша справится сама без посторонней помощи.

В результате изложенные Костюшко требования сильно осложнили решение польского вопроса в последующие годы. Ведь когда кто-либо из иностранцев спешил к полякам на помощь и пытался их вызволить из того положения, в какое попала Польша, они это не использовали, поскольку те не гарантировали ее создание в границах «от моря до моря». Когда же поляки сами отваживались подняться на восстание, то зывали о посторонней помощи, уже не ставя предварительных условий.

Точно так же хотели возродить Польшу различные партии, но только такую, которая соответствовала бы их устремлениям, – республиканскую, демократическую или народную. В противном же случае они были готовы от нее отказаться. С грустью надо также признать, что эти губительные лозунги национальной политики нашли отражение уже в позиции предводителя первого польского восстания и создателя Поланецкого универсала. Между тем, когда зимняя кампания затянулась, Наполеон отправил в Варшаву самого талантливого из своих министров Шарля Мориса де Талейран-Перигора, который, наладив отношения с политиками разного толка, объяснил им секреты дипломатии и призвал их действовать согласованно вместе с Наполеоном.

Вернемся, однако, в Тильзит²⁶. Там Александр, который задумал восстановить Польшу в ее прежних границах и который таким своим намерением еще во время войны смог отвернуть поляков от Наполеона, напрасно противостоя Княжевичу в этом вопросе, будучи побежденным, сразу же ухватился за протянутую ему Наполеоном руку. Ведь русские армии были разгромлены, а униженный поражениями России народ смотрел на своего императора с неприязнью, которая могла стать опасной.

Однако и Наполеону одержанная победа в случае продолжения войны грозила поражением. Он не только не мог продвинуться вглубь России, но и не был в состоянии удержать территорию со своей стороны Немана, опасаясь угрозы от Австрии с юга, обе Галиции²⁷ которой доходили до Варшавы. Ведь с самого начала кампании все усилия Пруссии и России были направлены на то, чтобы убедить Австрию участвовать в войне. И венский двор был недалек от того, чтобы последовать этому призыву. От такого шага его удерживали только память о недавних поражениях, нейтральное поведение Пруссии и победоносные сражения Наполеона. Но с каждой отсрочкой заключения мира риск того, что Австрия объявит войну и нарушит условия подписанного ею с Францией мирного договора, возрастал.

Был момент, когда Наполеон даже подумывал заключить мир с побежденной Пруссией, чтобы оттянуть ее от России и поскорее закончить войну. Но была и минута, когда России угрожало восстание поляков у нее в тылу – на Волыни и в Литве.

Исходя из вышеназванных соображений, Наполеон после победы в сражении под Фридрихсландом поспешил заключить мир с Александром I в Тильзите. При этом он пытался ослепить Александра предложением заключить с ним союз и разделить зоны влияния, а также владычества над Европой, осуществления совместных действий против Англии, представлявшей собой угрозу для Франции на западе и для России на востоке. Основываясь на таком союзе, он смог бы укрепить свой шаткий французский трон и возвести преграду перед противостоящими коалициями. Ради таких целей Наполеон был готов принести в жертву Польшу, часть которой недавно возродил, и предложить ее наследственную корону связанному с русским царизмом Александру. Причем для поляков это был не худший вариант.

Казалось бы, что, проиграв войну, Александр все же достиг цели, которую под влиянием Чарторыйского перед собой поставил, думая о войне с Пруссией. Но в сложившихся условиях он отклонил это заманчивое предложение. Ведь прусскую часть Польши ему пришлось бы забрать у союзника, потерпевшего поражение в совместной войне с Наполеоном. Причем это обретение произошло бы без австрийской части Польши, приобрести которую по географическим соображениям становилось необходимым. Но осуществить такое являлось делом нелегким, потому что Австрии пришлось бы это чем-то компенсировать – либо прусской Силезией, либо турецкой Валахией или чем-то еще.

Принятие польской короны запутало бы Александра I и его преемников в польской политике, разрушило бы отношения с Пруссией и Австрией, налаженные в ходе разделов Польши, сделало бы невозможным осуществление влияния на политику Западной Европы и поставило бы Россию в зависимость от Франции. К тому же российская олигархия не приняла бы при-

соединение к Польше семи губерний, приобретенных в ходе разделов Речи Посполитой, что означало их потерю.

Поэтому Александр с пренебрежением отклонил предложение Наполеона и, в свою очередь, порекомендовал ему посадить на польский престол его младшего брата Жерома. Однако Наполеон не попал в расставленную для него ловушку, поскольку понимал, что правление его братом одним из польских разделов втянуло бы его самого во все перипетии польской политики и поставило бы в зависимость от Александра.

В результате оба проекта договора были отвергнуты, и стороны согласились на третий вариант. По нему польский трон передавался в наследственное владение саксонскому курфюрсту (Фридриху Августу I), с которым Наполеон ранее заключил союз, сделав его королем. Однако этот трон нельзя было назвать польским или престолом земли польской, поскольку такое открывало бы его властителю возможность претендовать на два других раздела. Поэтому в соответствии с положениями договора осуществивших раздел Речи Посполитой держав от 26 января 1797 года, исключавшего упоминание Польши, освобождаемую ее часть назвали Великим герцогством Варшавским. В него включили земли прусской части Польши, но без Западной Пруссии, оставшейся у Пруссии, без Гданьска с его окрестностями, из которого был создан вольный город, и без Белостокского округа, выговоренного себе Александром, чтобы не оказаться в результате подписания договора с пустыми руками. Предложенный же им в качестве кандидата на герцогский трон младший брат Наполеона Жером стал королем Вестфалии на западе Германии.

7 июля Тильзитский мирный договор подписали Наполеон и Александр I, а 9 июля король – Пруссии, радуясь тому, что благодаря заступничеству Александра ему оставили хотя бы часть его государства.

Наполеону не удалось втянуть Александра в Великое герцогство Варшавское. Не удалось ему и создать державу, соперничающую с Пруссией, присоединив герцогство к Саксонии. Ведь для этого герцогство и Саксонию требовалось соединить друг с другом географически, образовать единое целое снаружи и объединить их теснее, чем путем создания династической унии. А для этого необходимо было связать герцогство и Саксонию через прусскую Силезию, которая их разделяла. Но Александр это хорошо понимал и этому препятствовал. Поэтому Наполеон в мирном договоре смог только выторговать, чтобы Саксонию и герцогство связывала проходящая через Силезию самостоятельная военная дорога.

Передача герцогского трона саксонскому королю, являвшемуся внуком Августа III, обязывала Наполеона ввести в Великом герцогстве Варшавском конституцию 3 мая, по которой польский престол предусматривалось отдать дочери Августа²⁸, что в свое время поляками было встречено с одобрением. По Тильзитскому договору герцогство учреждалось как независимое государство.

Саксонский же король со своим государством входил в Рейнский союз, создававшийся как протекторат Наполеона. Поэтому подлинным властителем Великого герцогства Варшавского являлся тоже Наполеон, который управлял им через саксонского короля и своего резидента в Варшаве. До формирования в нем правительства и армии он держал в герцогстве содержавшийся за его счет корпус французских войск под командованием герцога Ауэрштедтского и князя Экмюльского маршала Луи Николя Даву.

Однако те историки, которые сетуют на то, что герцогство не имело подлинной независимости и что поляки не могли управлять им по своему усмотрению и желанию, не правы. Ведь история развития герцогства ясно показывает, что без указующих директив Наполеона в нем быстро возникла бы внутренняя сумятица. Поэтому десница Наполеона скорее его защищала, и, когда в 1809 году корпус Даву из-за Ваграмской битвы²⁹ вернулся во Францию, он, по сути, спас герцогство и позволил ему развиваться дальше.

Конституция герцогства

Неоценимым даром для Великого герцогства Варшавского явилась введенная Наполеоном конституция. Он создал ее по французскому образцу, применив его к польскому обществу на основании сложившегося у него мнения о поляках. Принимая во внимание тот факт, что в Польше созревшей для политической жизни являлась главным образом шляхта, Наполеон обеспечил ей в сейме преимущество и даже передал ей в руки управление герцогством. Однако при этом в организации государства он больше следовал советам польских «якобинцев».

Их программа, опубликованная в начале 1807 года в виде брошюры на польском и французском языках, была сформулирована Станиславом Сташицом. Она содержала требования по созданию армии, правительства и введению хорошей конституции, а также обосновывала необходимость улучшения жизни крестьянства, предостерегая от передачи решения данного вопроса в руки тех, кто уже погубил свою родину. Кроме того, в ней содержались требования установления единоличной власти короля, гарантий сохранения национальности, собственного языка и права. В разработке данной программы участвовали также Шанявский и Суrowецкий, которые высказались за то, чтобы передать крестьянам землю в аренду или вообще в собственность.

Наполеон лично продиктовал текст конституции вызванным в Дрезден членам временного правительства, а окончательную редакцию поручил своему будущему министру внешних сношений Хьюг-Бернару Маре. Поляки попытались было протестовать против этого, но решения Наполеона обсуждению не подлежали.

В конечном итоге герцогство получило форму правления в виде монархии, зависимую от сейма в вопросах налогового, гражданского, уголовного и финансового законодательства. Сейм состоял из сената, в котором заседали назначаемые в него епископы, воеводы и кастеляны, а также посольской палаты с избираемыми в нее членами. При этом регламент его работы был очень жестким и ограничивал свободу слова. Королю же принадлежало исключительное право законодательной инициативы.

Конституция не предусматривала свободу печати, собраний и ассоциаций. Однако если принять во внимание, к чему совсем недавно привели Польшу политические свободы, то следует признать, что при первой попытке создания нового государства такие ограничения были разумными и полезными.

Соседние народы в завоеванных Наполеоном странах, где он аналогичным образом ограничил политические права, и даже во Франции не имели такого участия в правительствах. Благоразумным для герцогства было и положение о том, что дополнения в конституцию на рассмотрение сейма может вносить только король с подачи имевшего совещательный голос Государственного совета, вырабатывавшего законопроекты. Это уберегло сейм от пространственных обсуждений, которые не преминули бы нанести удар по самой конституции.

Таким образом, разработкой реализующих принципы конституции законов занималась небольшая группа членов Государственного совета, а король одобрял ее законопроекты и объявлял об этом в своих указах. В результате уже в 1809 году герцогство получило подробную систему законодательных актов, административные, налоговые и судебные органы, а также налоги и армию, соответствующие положениям конституции.

Важным приобретением для Польши стала административная система, скопированная по образцу нового устройства Франции и основанная на чиновничьей иерархии, состоявшей из министров, префектов департаментов, на которые была разделена страна, и подпрефектов повятов. Каждый из них подчинялся вышестоящей инстанции и выполнял ее распоряжения, неся за это персональную ответственность.

Префекты и подпрефекты располагали коллегиальным совещательным органом, имевшим, однако, функции контроля над использованием средств, право подавать жалобы и издавать определенные постановления местного самоуправления. Это была весьма здравая комбинация государственных функций и фактора самоуправления, настоящая школа для граждан на государственной службе, но без ущерба для исполнительной власти, которая оставалась в руках чиновников.

Задачей подпрефектов являлся надзор за деятельностью и направление работы местной администрации в городских и сельских гминах, куда соответственно назначались бургомистры и войты. Крупные города возглавляли назначаемые президенты, которые напрямую подчинялись префектам. При этом постановления местного самоуправления принимались на муниципальных советах.

Большое значение имел прежде всего Государственный совет, в состав которого при отдельном председателе входили министры, а вскоре и добавленные к ним особые статские советники и которому помогали референдарии³⁰. В его функции входила разработка проектов постановлений сейма и королевских декретов, а также отдача под суд чиновников, административное и кассационное судопроизводство. При этом для административного судопроизводства на местах при префектах были созданы префектурные советы, действовавшие отдельно от советов департаментов.

Судебная система складывалась из мировых судов – по одному в каждом повяте, гражданских трибуналов – тоже по одному в каждом департаменте, уголовных судов – одного на два департамента и апелляционного суда, рассматривавшего дела по всему герцогству. При этом мировых судей, треть которых обновлялась каждые два года, король назначал из числа определенного количества кандидатов, представлявшихся повятовыми сеймиками. Остальные же судьи назначались им на пожизненный срок.

Эта система государственной власти не понравилась шляхте, которая заявила, что она не полностью учитывает особенности польских традиций и отношений. Ее идеалом было такое устройство, с которым Польша с трудом дожила до четырехлетнего сейма и которое должно было опираться на органы власти, избираемые шляхтичами. Причем в таком идеальном построении госорганов будущего благородное происхождение и владение помещичьими землями, по мнению шляхты, должны были заменить другие квалификационные требования. Важные же решения она вообще хотела отдать на откуп различным коллегиям, что неизбежно ослабило бы ответственность должностных лиц и облегчило сопротивление высочайшим приказам. Другими словами, шляхта жаждала превратить государственные учреждения в такие органы, которые, находясь в руках оседлой знати, защищали бы ее интересы.

Однако теперь власть должна была быть сосредоточенной в руках назначаемых, профессионально образованных, занимающихся только управлением, оплачивавшихся из государственной казны, строго подчиненных приказам вышестоящих органов и блюдущих интересы государства чиновников. Конечно, с этим шляхте было трудно согласиться. Причем труднее всего ей было привыкнуть к мысли о том, что в Польше создается новый самостоятельный и доминирующий в обществе социальный слой – бюрократия, хотя чиновники являлись поляками и в основном выходцами из шляхты. Такое свое новое положение не принимали даже первые министры, готовые при любой возможности вернуться к старой системе.

Военному искусству польские офицеры научились в легионах и поэтому, вернувшись на родину, превратившуюся в герцогство, быстро и со знанием дела принялись создавать армию по французскому образцу. А вот первые чиновники герцогства подобную школу не прошли, поскольку в свое время их отстраняли от участия в австрийских и прусских органах управления. Общество же, находясь под пятой чужеземцев, научилось подчиняться, а не приказывать. Однако умение отдавать приказы является таким качеством, которое труднее всего вырабатывается, но каким должен обладать любой настоящий чиновник.

В силу названных выше причин первые министры, префекты и подпрефекты необходимым знанием дела, опытом и умениями отдавать распоряжения не обладали. Поэтому в соответствующих учреждениях на первое время в качестве советников и инструкторов были оставлены прусские чиновники, то есть немцы, а в правительство включены французские резиденты. Среди них нашлось несколько одаренных администраторов, оказывавших решающее влияние на это правительство.

Однако случилось так, что на ослабление новой власти повлиял именно тот человек, который, согласно конституции, ее олицетворял, – король Саксонии и герцог Варшавский Фридрих Август. По конституции всю полноту исполнительной власти должен был осуществлять король, но, принимая во внимание, что ему, постоянно проживавшему в Дрездене, было трудно лично править в Варшаве, Фридриху Августу разрешили назначить вице-короля, которому предстояло представлять его в Варшаве. В случае же отсутствия вице-короля король обязан был назначить председателя правительства и создать Совет министров.

Первые министры понимали это так, что Совет министров будет принимать предложения министров, разрешать споры между ними и направлять свои решения королю на утверждение, что обеспечивало единое направление властных усилий. Однако Фридрих Август отменил все постановления Совета министров и приказал представлять ему только выводы и предложения министров без каких-либо их резолюций.

Это выглядело как стремление оставаться более самостоятельным в отношении Совета министров. Однако на практике он пошел еще дальше и стал решать разные вопросы по представлению одного министра, в чем ему помогал действовавший при нем госсекретарь в ранге министра. Такой порядок принятия решений был роковым, особенно если учесть, что в эпоху отсутствия телеграфов и телефонов посланный из Варшавы в Дрезден курьер с заключением министра возвращался обратно лишь через восемнадцать дней. Но Фридрих Август хотел править лично, не имея для этого необходимых данных. Сгибаясь перед тенью Наполеона, он желал посостязаться с ним в самодержавии.

Последствия оказались самыми худшими. Единого правительства не было, а не связанные друг с другом министры частенько отдавали префектам противоречивые приказы. В результате правительство теряло авторитет, а когда возникала угроза или начиналась война, когда нельзя было ждать решения из Дрездена, оно становилось беспомощным и просило исключительных полномочий.

Тем не менее, несмотря на все эти недостатки и наличие различных трений, бюрократическая организация власти продолжала прокладывать себе дорогу. И хотя нужно было еще долго ждать, прежде чем общество с ней примирилось и признало ее достоинства, возврат к старым порядкам становился все менее возможным. Бороться с новшествами, конечно, пытались. Но это выражалось лишь в обвинениях в том, что чиновники дорого обходятся. Однако, когда в 1810 году недалекий министр финансов Венгленский предложил заменить профессиональных чиновников гражданами, служащими бесплатно из чувства гражданского долга в силу определенных обстоятельств, он добился лишь того, что получил отставку.

Здесь следует заметить, что, хотя сама конституция, созданные на ее основе органы власти и изданные королевские указы соответствовали французской модели, в одном важном моменте они не могли ее придерживаться. Ведь польский народ, в отличие от Франции, не имел среднего сословия, сильного в промышленном и торговом отношении, а также получившего образование в магистратуре и армии. Крестьяне все еще оставались крепостными, на что правление Пруссии несколько не повлияло. Не удалось также уравнивать всех в политических правах, до которых большинство жителей еще не доросло.

В отношении Польши Наполеон согласился пойти на уступки, и в конституции Великого герцогства Варшавского деление населения на шляхту и остальных граждан с предоставлением преимуществ первой было сохранено. Но она же подняла и значение вторых. При этом шляхте

давалось право на собрание в особых сеймиках и выбора на них по одному депутату. Всего предусматривалось иметь шестьдесят таких депутатов. Кроме того, за сеймиками закреплялось право выдвижения кандидатов на замещение должностей в советах департаментов и повятов, а также в мировых судах. Остальным же гражданам было предоставлено право избирать на тминных собраниях сорок депутатов сейма и подавать двойной список кандидатов в муниципальные советы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.